

Валерий Сабитов

Сказание о Завгаре

Валерий Сабитов

**Сказание о Завгаре. О
фантастической судьбе
реального гражданина Вселенной**

«Издательские решения»

Сабитов В.

Сказание о Завгаре. О фантастической судьбе реального
гражданина Вселенной / В. Сабитов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963126-8

Перед читателем единственная на сегодня книга по истории Фэндома на русскоязычном пространстве. Книга о судьбе человека ставшего легендой при жизни. Завгар (Завгородний Борис Александрович) — символ массового движения за романтику и добрую фантастику всегда и везде.

ISBN 978-5-44-963126-8

© Сабитов В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие автора	7
Прелюдия: Рассвет	8
Плод Дикого поля	10
Миф о Предтече	21
Ветер Времени	25
Часть первая	34
Роза Ветров	34
Волгоградский старт «Ветра Времени»	38
Аэлита—83 и взыскание Б. Ельцину	47
1984 г. Миражи идеологии	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

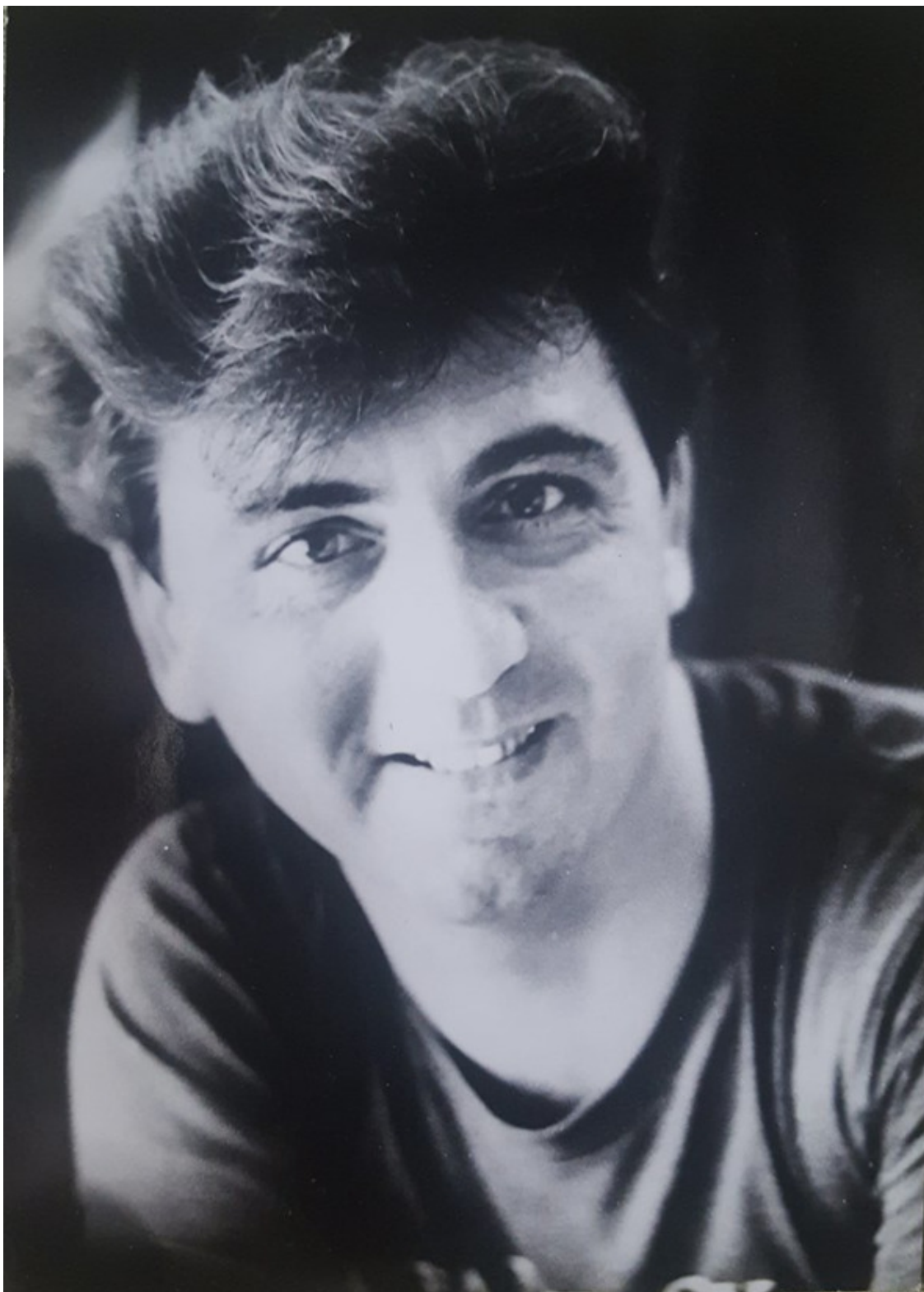
Сказание о Завгаре О фантастической судьбе реального гражданина Вселенной

Валерий Сабитов

© Валерий Сабитов, 2019

ISBN 978-5-4496-3126-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Завгар – Завгородний Борис Александрович

Предисловие автора

На Земле в любую эпоху появляются странные люди. Их немного. Кто-то из таких редких личностей не вписывается в свой век, биографии других удивительным образом совпадают с характером текущего времени. К последним относится герой нашей книги, Борис Александрович Завгородний, носитель харизмы и необъяснимого очарования! В странной неординарности секрет мега-популярности Завгара как в своей стране, так и за её пределами. Нет другой такой фигуры, которая бы оставила столь яркий и незатухающий след в истории Фэндомы.

Мог ли наш герой выбрать иной путь? И организовать свою жизнь в соответствии с господствующим идеалом? Правильное образование, престижная доходная профессия, семья, большой дом, полная чаша... Ведь большинство фэндомовцев пошло именно этим путём. И теперь могут с «высоты» достигнутого снисходительно наблюдать за «не достигшим». Сознательно ли Борис уже в начале своей биографии отказался от общепризнанного образа бытия?

Я познакомился с фантастическим лидером, весьма оригинальной личностью. И возник замысел «Сказания...». Уверен, он с рождения обладал всем набором необходимых качеств: физических, интеллектуальных, волевых. А всем нужным сверх того обзавёлся в юности. Осталось развивать и применять. Примерно так произошло с целительным даром Авиценны.

Историю советско-российского Фэндомы отразить в одной книге невозможно. Хотя иметь её хочется многим. Задача моя – осветить жизнь одного человека, органично спаянную с Фэндомом непонятными, мистическими узами. Столь плотной связи в другой биографии не найти. Перед читателем – проникновение в кристалл жизни Фэна №1, известного как Завгар.

Исследований советско-российского Фэндомы нет. Как нет и биографий людей, сделавших в него значительный вклад. Мне удалось отыскать две работы, посвященные Фэндому и фантастике, принадлежащие доктору исторических наук Комиссарову Владимиру Вячеславовичу. Есть исследование (1993 г.) Р. С. Каца «История советской фантастики» (Саратов, изд-во Саратовского университета, 1993) – но оно не относится напрямую к нашей теме. В. Комиссаров кандидатскую диссертацию посвятил исследованию Ивановского КЛФ, который развивался заторможено в сравнении с «Ветром Времени» и набрал обороты только в конце 80-х, и быстро сошёл на нет. О «Ветре Времени» там – только одно упоминание (но хоть это есть). Если доктор наук, посвятивший работу исследованию фантастики, не знает о Завгороднем, а Завгар не слышал о нём – зачем и для кого такие труды?

Данная книга – не копия изданного в конце 2017 года в издательстве «Аэлита» моего труда «Завгар и Фэндом: от рассвета до заката». Автору пришлось убрать все снимки и сканы, значительно сократить объём. Учтены поступившие предложения-замечания, внесены дополнения, проделана необходимая редакторско-корректорская правка.

Борис Завгородний – полноправный соавтор данного исследования. Благодарю также за помощь в подготовке книги Сергея Лифанова, знатока наследия Стругацких и участника-свидетеля истории Фэндомы.

Прелюдия: Рассвет

Краткая биографическая справка из Фантлаба:

Борис Александрович Завгородний (Родился: 20 октября 1952 г. Россия, Волгоград) – русский писатель, активист фэн-движения, журналист. За свою жизнь Борис Завгородний сменил множество профессий: был токарем, острильщиком, киноварщиком, дворником, экскурсоводом, официантом, сантехником, литературным агентом, челноком-торговцем и даже издателем.

Известен всему миру как «советский фэн №1» (поскольку первым из российских любителей фантастики попал в международный справочник «Fandom Directory»). Бессменный председатель волгоградского КЛФ «Ветер времени». Один из организаторов фэн-премии «Великое Кольцо». Участвовал в издании многих фэнзинов, в том числе «Шалтая-Болтая», который по итогам «ЕuroCon-2006» был признан лучшим фэнзином Европы.

Организовал Фэндом Волгограда, посетил почти все конвенты России и побывал на конгах Болгарии, Венгрии, Сан-Марино. Провёл в 1991 году «Волгакон», один из самых известных конвентов нашей страны.

Лауреат премии «Малый Странник» -1994 как «человек-легенда российского Фэндома». Лауреат приза «Звезда Фэндома».

Как издатель выпустил несколько малотиражных книжных серий, в которых увидели свет дебютные книги молодых отечественных фантастов, а также антология «Киберпанки на Волге» (рассказы Брюса Стерлинга и Пола Ди Филиппо). В 1995 году был ответственным секретарём литературной премии «Странник», вручаемой на Конгрессе Фантастов России.

В 2000 году Борис Завгородний в соавторстве с Сергеем Зайцевым написал фантастический роман «Рось квадратная, изначальная».

В 2002 вышла книга о Борисе Завгороднем – «И это всё о нём...». (сост. С. Мелихова).

Сайт FANDOM Волгограда:

Завгороднего называют «Фэн №1» и «основатель Фэндома». Бесспорно, что Борис является самой одиозной фигурой в Фэндоме. Его присутствие на любой конвенции делает историю. О нём пишут в фэнзинах и в официальной прессе.

Борис Александрович за свою жизнь успел поработать токарем, острильщиком, киноварщиком, дворником, экскурсоводом, официантом, писателем, сантехником, литературным агентом, челноком-торговцем, издателем. Организовал Фэндом Волгограда, посетил почти все конвенции России и побывал на конгах Болгарии, Венгрии, Сан-Марино. Издал более 20 книг и провёл в 1991 году Волгакон – лучшую до сих пор конвенцию в нашей стране.

Читателю от Бориса Завгороднего

«Не люблю я писать. А читать вот наоборот – люблю до самозабвения! Прямо как болезнь, как у какого-то мокреца. Сама мысль о написании такой книги зрела давно, с тех пор как я узнал, что в других странах об их Фэндомах написана куча вещей! Самая главная среди них, конечно, работа Сэма Московича, «Бессмертный шторм» – о начале становления Фэндома США, выдержавшая несколько изданий. Но есть также занимательные вещицы об Австралийском Фэндоме, печатавшиеся в фэнзине «Ментор» под редакцией Рона Кларка, и об Аргентинском Фэндоме, которые я отрывочно смог когда-то скачать в сети и которые благополучно затерялись. Там кстати, в тамошнем Фэндоме, встречались такие известные на Руси фамилии как Врангель, Юденич. Но... Как идея этой книги проникла в Сабитова, не понимаю. Я не верил в её реальность до знакомства с ним. Да и он, думаю, принял окончательное решение во время

нашей встречи. Хотя в голове у него уже имелась готовая концепция, и мне она понравилась. Да и другой всё равно не было.

Написать историю Фэндома в увлекательной форме и уместить её в одной книге задача нереальная. А вот показать её через один срез, пусть даже через мою биографию, как это захотел сделать Валерий – вполне может получиться. Конечно, это будет всего лишь краешек. Моя жизнь была немыслима без фантастики и Фэндома, без фантастического слова и связанного с ним реального дела. «Пусть будет так», – согласился я.

Я не понимаю, откуда и почему взялся Сабитов. Как джинн из Лампы... Надежды на написание этой книги не было никакой. Сам бы я не справился. Никто другой из друзей Фэндома не хочет браться за этот труд. Он – человек со стороны, не фэндомовский. Как и многие, с детства увлечённый фантастикой советской и переводной. Но служба в армии не оставляет возможности присутствовать ещё где-то в нужной делу мере. Он начал публиковать фантастические рассказы во время службы. Но смог реально посвятить себя фантастике только после выхода в запас, став ветераном. И ему нетрудно оказалось войти в тему, очароваться историей Фэндома. А взгляд как бы со стороны, надеюсь, позволил осветить тему книги более непредвзято и, возможно, с неожиданной точки. Хотя... Всё равно эта история не будет полной, пока все те, кто стоял у истоков фэн-движения не напишут о своих клубах!»

Плод Дикого поля

«Не на небе, на земле...»

П. Еришов

Прежде всего обратимся к истокам земным: географическим и генетическим. Ибо небесные нам неведомы.

Борис: Как-то попросил я маму...

Как-то попросил я маму: «Мама, напиши мне о своей жизни. Рассказы быстро забываются, а так что-то да останется. Может, и мои дети заинтересуются когда-нибудь, а может, даже и внуки, как до них-то жили их родственники...»

«Родилась я 30 ноября 1926 года в селе Средне-Погромное Средне-Ахтубинского района. Это где сейчас Волжский. До ГЭСа здесь были сёла Средне-Погромное, Нижне-Погромное, Верхне-Погромное и Безродное. Так вот, в этом селе, где-то в степи, и родилась я. На моих родах умерла моя мама, видно не было близко больницы. Из рассказа Манефы и мамы Нюры никто толком не знает, почему так случилось с моей мамой. Встал вопрос: куда девать ребёнка, то есть меня? И решили взять меня на воспитание родители моей мамы: бабушка Таня и дедушка Семен Емельянович. У них было шестеро детей – это:

1) Дядя Ваня.

2) Дядя Саша.

3) Тётя Дуся (мать Анны – моя двоюродная сестра, что живёт сейчас где-то в Бекетовке. Белова Таня к ней иногда ездит).

4) Наташа – моя мама родная.

5) Мама Нюра. Почему Нюра мама? – она меня крестила, поэтому она мне крёстная мать.

6) Манефа (все они покойники, царство им небесное).

В 1934 году умирает бабушка и меня берёт к себе мама Нюра. Как рассказывала Манефа, дедушка очень любил меня и Манефе из-за меня от дедушки здорово перепало. Дед был очень строгим. И чуть-чуть за мной Манефа не досмотрит, он её наказывал. Где училась в начальных классах, не помню. А в 1935 году дядя Ваня прислал письмо из Средней Азии (он там служил в Армии), после службы женился там и остался жить. Точно город не помню, вроде бы Ташкент или где-то рядом. Так вот он прислал письмо и просил, чтобы кто-нибудь из родственников приехал к нему в гости – он очень соскучился по родне. И как ты думаешь, кого прислали в Среднюю Азию в гости к дяде Ване? Меня и Манефу: мне было 9 лет, Манефе 16 лет.

Помню, сначала плыли пароходом, потом долго ехали поездом. На каждой станции Манефа выходила из вагона, покупала всякое лакомство и деньги, которые нам дали на дорогу, были все израсходованы, не доехав до места. Сидим с ней на вокзале, у меня начался сильный коклюш, до рвоты; не помню, сколько мы там просидели, и на нас обратил внимание начальник вокзала. Он нас взял к себе домой. Помню, искупались в душе у него и поехали дальше (наверное, он нам дал деньги на дорогу). Приезжаем – нас встречает жена дяди Вани. Тётя Нина встретила без радости, потому как дядя Ваня сидел в тюрьме. Он работал бухгалтером и, видно, влип или проворовался. Нам нужно было уезжать домой – а денег на дорогу нет, и Манефа поступила работать в парикмахерскую ученицей, а меня определили в детский дом. Помню его, дом этот – в лесу расположен, очень красиво там было. Помню сообщение, что у нас там было землетрясение, но этого я не заметила. Не знаю, сколько месяцев Манефа работала, но однажды приходит ко мне в детский дом и говорит, что завтра едем домой в Сталинград (или ещё он был Царицын?). Я помню, было наверное тепло, связала шнурками свои ботиночки, которые мне там дали, перевесила их через плечо, пальтишко с собой взяла, и ушла

из детдома. Да, ещё забыла написать. Когда мы собирались в гости к дяде Ване, мне сшили платьице, очень-очень коротенькое, видно было трусики, ну как в городе носят. А в Средней Азии узбечки или таджички (не знаю) – ходят в одежде до пят; как увидят меня в таком платье коротком, то за мной толпой бегут и улюлюкают все. Я прибежала и в слёзы: «Больше не надену такие короткие платья». Ну, короче, мы возвратились домой и жить стала с мамой Нюрой на Красном Октябре – где-то в частном секторе в небольшой кухоньке. Училась в 35-й школе. По моему, она и сейчас так называется, как-то по радио слышала. Это были, наверное, уже 3—4 классы. Не помню. А летом, когда были школьные каникулы, я с дедушкой пасла коз, овец, коров там же на Красном Октябре, в Городище – наверное, ты слышал, есть такой Городищенский район. Он нанимался пастухом, а я была подпаском – тогда так говорили. Для меня это был тяжёлый труд: особенно козы, они непоседливые, так и бегала их заворачивать в стадо. А однажды прямо на пастбище объягнилась овца и дедушка завернул мне в тряпку этого новорождённого ягнёнка, и я понесла его хозяйке домой, за что получила гостинец. Коров пасти тоже было непросто, иногда корова, как взбесится, хвост поднимет и бежать из стада, я за ней бегу, плачу и кричу ей: «Куда, гадина!». А оказывается, у них заводится на коже какое-то насекомое, оно кусает и она от укусов бесится и бежит. Зато когда наступает полдень, гоним на водопой; было такое место, течёт ручей, песочек, вот они напьются и ложатся отдыхать. А я с дедушкой обедать. Обычно на обед был кусок сала свиного, солёного, который в жару весь растопился, и хлеб. А дед, видно, был уже беззубый, хлеб обрезал, корки отдавал мне, а сам ел мякиш-серединку, и я про себя очень на него серчала. А вот бахчи он нанимался караулить, это было для меня интересно. Можно сказать, мы там с ним в степи на бахчах жили всё лето. Особенно мне запомнились вечера – мало того, что дед караулил бахчи, ещё приходили в ночь хозяева некоторых бахчей; и вот сумерки, сидят взрослые беседуют, а я прилягу на колени деда и слушаю стрекотню всей живности и свист, и чириканье, и кваканье и смотрю на чистое-чистое небо и наслаждаюсь этим зрелищем. И вот за лето, особенно когда пасли, я вся завшивлюсь. В волосах на голове полно вшей. Тогда мама Нюра смажет мне голову керосином, туго завяжет голову платком, они там подохнут, счесет густым гребешком, вымоет меня с мылом и иду я в школу чистенькая. Ещё помню, я писала тебе, дедушка очень любил меня; и вот ещё он летом работал на Волге бакенщиком (наверное, знаешь, что это такое), зажигал огни на Волге для пароходства. Домик у него был где-то на острове, что ли. И вот у него всегда собирались рыбаки. Варят рыбу, застолье, я сижу у дедушки на коленях (наверное, мне было лет 4—5, точно не помню), но помню, что эти рыбаки знали – дед сказал, что я круглая сирота и они просят меня у дедушки взять к себе в дети (тогда так говорили). Дедушка плачет, целует меня колючей своей бородой и не отдаёт. Говорит, сами воспитаем. И всегда меня жалел, подкладывал с рыбы икру варёную – очень вкусная была, особенно с окуней в мешочке (то есть в плёнке), и вот я наслаждалась ею.

Значит, вспоминаю дальше – извини за непоследовательность. Когда я жила с мамой Нюрой на Красном, она мне, уходя на работу даст задание: натаскать из колонки воды вёдрами, а меня подружки зовут на улицу и вот, чтобы быстрее натаскать, я на коромысле (знаешь что это такое – на плечи эти коромысла кладёшь, два ведра вешаешь, да ещё в руке третье) – это чтобы быстрее натаскать и на улицу играть. А игры у нас: это лапта (мячом вышибали из круга провинившегося игрока), классики, чертили на асфальте – думаю, ты все эти игры знаешь; ещё играли в прятки, в догонялки (дети как дети были). Так вот, когда я несущу эти три ведра с водой (представляешь девочка лет 12—13 прёт столько груза), а соседи-бабушки прищёптываются: ведь она сиротка. Меня мама Нюра за это ругала – чтоб я постольку не носила. Потом мама Нюра выходит замуж – звали его дядя Федя. Очень был хороший человек, работал на кислородном заводе, что на Тракторном, на Южном посёлке. Он меня спокойно воспитывал, никогда не повышал на меня голос. А до него мама Нюра была замужем, он погиб в гражданскую войну. Была у неё дочь Мария – умерла от какой-то болезни. И вот дяде Феде завод даёт комнату

рядом с заводом. Я перешла учиться в 12-ю школу, что около хлебозавода номер 6 на Тракторном. Когда приходится сейчас мимо неё ехать, всегда смотрю на окна своего класса – «это четвёртый этаж». Крайние три окна от хлебозавода. Здесь я окончила седьмой класс, он был тогда выпускной. Училась на хорошо и отлично. Тогда не было таких оценок: 1—2—3—4—5. А были: (отл.) – отлично, (хор.) – хорошо, (поср.) – посредственно, (плох.) – плохо и (оч. плох.) – очень плохо. Вот так сокращённо ставили оценки учителя.

Так как дядя Федя хорошо ко мне относился, мама Нюра просила меня называть его папой. Я очень стеснялась так его называть, потому что была уже взрослой девочкой, но старалась это делать. Когда он перед работой во вторую смену ложился отдыхать, просил меня его разбудить. Так вот я подхожу к кровати и тихо шепчу: папа, папа вставай. Он молчит. Тогда я громко говорю: дядя Федя – вставайте! Вот так я привыкала его называть папой. Комната, которую ему дали, была очень маленькая и они решили построить дом около кислородного завода, было там место. Немного там мы пожили и оно оказалось (это место) внеплановым. И дали план для строительства дома на Спартановке, по улице Эмбенской, 55. (*«Блин, почти Эмберской, а нумерация это наверно первая пенталогия и вторая. Такие вот совпадения».* Прим. Завгара.) Не знаю есть ли она сейчас в таком названии. Это был уже, наверно, 40-й или 41-й год. Вот здесь тоже запомнился момент: в доме, когда южный посёлок ломали и переносили на Спартановку, было очень много гнутых гвоздей. Так вот, это была моя работа: выпрямлять гвозди. И опять лето, подружки зовут купаться на Волгу, а у меня задание. Я послушная была и старалась выпрямить сколько мне приказали – и тогда иду с подружками на Волгу. Но я знала, что мама Нюра мне не родная мама (слышала, наверно, от родственников). А на Спартановке у меня была самая лучшая подружка Надя Ляшенко (ведь помню!). И вот когда я приду к ней в гости, а её мать хохлушка, да так ласково её называет – доча, моя доча, а мне становится завидно, меня мама Нюра и не обижала, но и не сюсюкалась со мной. И вот мне захотелось, чтобы и со мной ласково поговорили, и я решила своим детским умом вызвать жалость к себе. А зимой во дворе мороз, снегу по колено. Я в одних трусах, совершенно босиком (а дома никого не было), вокруг дома не помню сколько я ходила по снегу босиком – цель у меня была простудиться и заболеть – вот тогда, я думаю, они меня сильно пожалеют. Но к счастью, я не заболела и они не узнали о моём эксперименте. Это был 1941 год, война уже началась, но Сталинград ещё не бомбили. И вот летом, это был 1942 год я пошла в кино, днём в кинотеатр «Ударник». Помню, шёл фильм «Маскарад», и ведь он совершенно не детский. Ну, я его смотрю, и вдруг кино прекращается и объявляют тревогу: над Сталинградом появились немецкие самолёты. Я прихожу домой, начинаем стёкла окон проклеивать полосками бумаги, чтобы не потрескались от взрывов. Но в этот день не бомбили.

Я после семи классов стала учиться в швейной мастерской на пошиве брюк, костюмов. Она находилась на Нижнем посёлке в доме рядом с нынешним троллейбусным кольцом. Там тогда и сейчас магазин, а с задней стороны дома была эта мастерская. А мама Нюра сначала работала уборщицей в этом магазине, потом продавцом. И вот однажды (это был, наверно, август 1942) приходит дядя Федя (вернее, заходит к нам в магазин) и говорит, что сообщили: немец подошёл вплотную к Сталинграду со стороны степи. Надо лучшие вещи все одевать на себя и эвакуироваться за Волгу. А он уходит в ополчение вместе с заводом. И вот в этот день над Нижним посёлком так низко летал самолёт немецкий («рама» – называли его взрослые), так низко, что лицо лётчика было видно и непрерывно стрекотал пулемёт из самолёта. Все бегут, кричат, плачут. Короче, начался обстрел города. А у нас за домом было вырыто бомбоубежище, или, как называли это сооружение – щель. Такая длинная, глубокая траншея, хорошо накрыта и два выхода в концах. Вот мы, три семьи (соседи), и прятались в этой щели. Когда начался очередной обстрел, дядя Федя сидел в щели против двери. Она была открыта и его осколком в висок ранило насмерть. Он истёк кровью. Мама Нюра простынями, которые мы с собой взяли в щель, перебинтовывала ему голову – а кровь била как из фонтана. Меня мама

Нюра в слезах послала в медсанбат, к военным где-то через улицу. Я бегу, плачу, свист пуль, взрываются снаряды. Рядом пробегала курица, в неё попал, наверное, осколок – закудаhtала и лапы кверху. В меня же не попало ничего. Дали мне военные бинта. У них самих раненые бойцы. И так мы его ночью похоронили за домом. Сбили ящик и закопали. А когда освободили Сталинград, приехали его родители из Безродного села и забрали труп, чтобы похоронить, как положено. Жить становилось страшно...

Спартановку он не бомбил, а обстреливал постоянно. Немец стоял..., забыла, как называлось это место. Знаю – дубовая роща, там был детский летний лагерь. Вы с Наташей там отдыхали (маленькие были, 5 и 8 лет), естественно, после войны. Да, ещё немец наводил ужас на нас. Сидим однажды в щели. Тишина и вдруг свист истошный в небе. Ну, всё, думают взрослые, летит снаряд или бомба. Свист всё сильнее и сильнее, все крестятся, молятся и вдруг тишина. Оказывается, он бросил с самолёта бензобак, весь продырявленный; и вот этот свист наводил ужас. Короче, надо эвакуироваться за Волгу. Сначала вечерами утихало, мы втроём – Манефа, мама Нюра и я на лодке (чья была лодка – не знаю) – перевозили вещички свои к тётке Дусе на Скудры. Не знаю, почему так называлось это место. Там был совхоз «Ударник», где-то недалеко совхоз «Лебяжья поляна» – это и сейчас так называется. И потом переправа в городе напротив Краснослободска стала работать. В это время пошли бомбёжки, горят нефтебаки на Южном посёлке. Короче всё горит – Тракторный, Красный Октябрь, Баррикады. Было, конечно, ужасно страшно. Но выжить и спастись было важнее всего. И вот помню: на тележку погрузили вещи и пешком до переправы вереницы беженцев потянулись, в том числе и я с мамой Нюрой. Только стали подходить к Нижнему посёлку со Спартановки, он как даст по нам пулями, снарядами. Мы все вещи бросаем и в кювет вниз лицом. Затихнет, снова в дорогу. Летели пули или осколки так близко, что чувствовалось тепло, когда они пролетали мимо лица. И вот, Слава Богу, нас ни разу не ранило. И вот так мы целый день плелись на переправу, дошли, а там тысячная толпа: и военные и население-беженцы. С наступлением сумерек беззвучный катерок потянул наш паром. Ночь была лунная и вдруг над нами вспыхнула ракета. Военные поняли, что это разведка и через несколько минут (мы ещё были посредине Волги) на противоположном берегу разорвался снаряд или бомба. Метили в нас, но не рассчитали... И мы стали жить у тётки Дуси на этих самых Скудрах, а они от берега Волги рядом. А немец стал бомбить и здесь. Были убитые. И решили все эвакуироваться дальше от этого места. У тётки Дуси муж лесник, у него была лошадь, всё погрузили и на эвакуопункт. Там организовано было горячее питание. Покормили нас и мы поехали дальше (не помню точностей).

Но где-то в лесу мы вырыли землянку и там зимовали 1942—1943 года. Было много военных и беженцев-мирных. Военные нас, особенно детвору, предупреждали – не поднимать никакие игрушки. Немец сбрасывал с самолёта красочные игрушки, которые, если их тронуть, могли взрываться. Но я раз не утерпела и хотела из снега смёрзшегося вытащить какой-то пропеллер, но он не поддавался мне – был сильно вмёрзший, я похвалилась, за что получила хорошую нотацию. Вот так нас (точно наверно) уберегал Бог от ранений и смерти, потому что все взрослые носили с собой «Живые Помощи». В 1943 году в феврале немца выгнали из Сталинграда, и мы вернулись в свой дом на Спартановке. Стали жить вчетвером: Манефа, я, мама Нюра и дедушка (он в войну жил где, не знаю) у сестры что ли. Манефа враз поступила на Тракторный завод, в термический цех, в контору и стала учиться в техникуме. Мама Нюра тоже на Тракторный поступила, продавцом в ларёк хлебный, а меня Манефа тоже устроила в термический пирометристой. Это такая профессия... Печи, а чтобы соблюдать температурный режим стоят приборы, которые регулируют эту температуру. Работа мне нравилась, но платили меньше, чем на печах. Она, эта работа, квалифицировалась как вспомогательная, типа как слесарь, электрик и т. д. Поэтому со временем, когда была уже замужем, я перешла на печи работать. Платили чуть больше, и на пенсию пошла с 45 лет. Работала добросовестно, было много премий, к праздникам подарки. Помню отрез на платье, который я подарила Наташе на сва-

дубу, покрывало на кровать, грамоту из Министерства Сельского Хозяйства. Короче ходила в передовых. 29 лет проработала на одном месте и не жалею об этом, и вспоминаю с гордостью.

Опять про дедушку. Когда жили уже после немца на Спартановке, мы работали, дедушка дома сидел, был старенький и, наверное, больной. Не знаю, сколько ему было лет. Мы на него получали 300 грамм хлеба по карточкам. Хлеб получали в ларьке, в заводе. И вот когда я из третьей смены иду утром домой, и несу ему эти 300 грамм (а несу их за пазухой под фуфайкой, зима была), чтоб мне хлебом не пахло. Потому как очень хотелось есть. Я получала 800 грамм. Так вот, кусочек 200 грамм продашь на базаре, а остальное съешь и опять хочется есть. Так вот, когда я несу этот хлеб за пазухой, а он всё равно пахнет вкусно и я пока с тракторного приду на Спартановку (тогда не было транспорта), я эти 300 грамм, все обломаю корки, и я их не ела, а сосала, чтоб на дольше во рту был вкус хлеба. Было мне стыдно отдавать ему обломанный паёк, но он меня за это никогда не ругал.

И вот однажды, я была дома одна, пришла из третьей смены, Манефа и мама Нюра на работе, он при мне умер. Всё до этого просил: Нюся, так он меня звал, согрей мне кипяточку. Пришли с работы мама Нюра и Манефа, а здесь печальная весть. Похоронили мы его на кладбище, которое находилось на Спартановке, около Волги. Теперь там стоят высотные дома, а кладбище, по-моему, и не переносили. Потом Манефе дают комнату на Нижнем посёлке в 509 доме – это рядом, где ты лежал с перебитой переносицей в детстве. Помнишь? А дом, наверное, продали (точностей не знаю). А комнатка эта малюсенькая, как твоя сейчас, и вот мы, три невесты, жили там. Это были уже 1946—1948 года. Я понимала, что мешаю своим тётям, и мне так хотелось жить самостоятельно.

И в то же время жить было весело – во-первых, молодость. В парке над Волгой была танцплощадка, где каждый вечер были танцы, соответственно за плату. Крутили пластинки певцов нашего времени: Утёсова и многих других, иногда играл духовой оркестр. Танцевали танго, фокстрот, вальсы, а потом приходили на танцы организаторы от молодёжи и разучивали с нами старинные танцы: полечку, краковяк. Становится пара учителей, а мы парами за ними и повторяем их движения, но так эти танцы и не прижились. Но дело в том, что на танцах не было ребят моего возраста (все погибли в войну, начиная с 1920 и до 1925 годов). Самые годы, подходящие для меня, но их не было.

Ну а теперь опишу, как познакомилась с твоим отцом. Тогда было распространено такое движение, сейчас называют ДНД – добровольная народная дружина в помощь милиции. А тогда их называли бригад-милиция, а в народе «досурма». И вот однажды на Нижнем продавали крупы (с продуктами было ещё плохо, это был 1948 год, но уже без карточек). Очередь стояла на улице огромная, а в магазин вот эта самая бригад-милиция пускала по 10 человек и т. д. Я заняла очередь, но для интереса подошла поближе к двери и когда очередной раз пропускали в магазин, молодой симпатичный паренёк моих лет в военной гимнастёрке глазами подаёт мне знак: мол, проходи. Я была не уверена, что это мне, огляделась по сторонам, никто не реагирует на его знак. И я решила зайти в магазин, вместе с очередным десятком покупателей. А продавцов было несколько, но там следили, чтобы купил только 1 кг. крупы и выходи. Я купила. Он, этот паренёк, подходит ко мне и шепчет – если вам нужно ещё, покупайте у следующего продавца. Я не помню, купила я или нет, но он мне понравился. И я ушла домой, мне было идти работать во вторую смену. А моя сменщица Маша дружила с парнем, который был в бригад-милиции. Вот я ей всё рассказала. Она говорит: я скажу своему Ивану, он тебя с ним и познакомит. И вот однажды она приходит мне на смену с будущим моим мужем, то есть твоим отцом. Он сел на стул, а я стала сдавать ей смену и говорю ей: Маша, да ведь это не тот человек, тот молодой и так далее. Она говорит: Иван, наверное, подумал на твоего отца. Он был тоже «досурмой» и с большой шевелюрой (в парикмахерскую ходил, кудри завивал). Я ей сдала смену и он пошёл меня провожать на Нижний. Враз похвалился, что ему завод дал комнату, что у него была очень плохая знакомая, и что он решил жениться – вот так прямо враз. Хотя

я была не юная, но очень наивная (как я сейчас это оцениваю). Он мне не понравился своим поведением: например подходим мы к дому, он мне говорит, вынеси мне напиток. Я пошла за водой. Жили мы на втором этаже, а он в это время пошёл в туалет, который стоял между домами на улице, большой такой. И вот он из него выходит и на ходу застёгивает ширинку. А я стою с водой и жду его – мне это не понравилось и было стыдно за него. И так с неделю мы с ним повстречались, он водил меня в кино. Там же на нижнем была кино-площадка и бесплатно – потому как он «досурма». Имели они право на бесплатное кино. Предлагает замуж, я соглашаюсь – ещё бы, комната, буду сама хозяйка (короче, брак по расчёту, как сейчас говорят). Говорю маме Нюре об этом. Она начинает мне шить белое платье, а ему рубашку. Вот он приходит к нам со своим другом, тоже Саша, сват короче. Сватов надо чем-то угостить – у нас была бахча и вот разрезали большой арбуз. Саша свой так скромно ел, а жених уплетал за обе щёки, расплёвывая по столу семечки. Опять я была про себя возмущена его безалаберностью, но думала: привыкну и перевоспитаю. НЕ ПОЛУЧИЛОСЬ! Ещё раз соврал мне. Сказал, что он с 1916 года, ну думаю на десять лет, нормально вроде бы. А когда пришли в ЗАГС... Тогда всё было очень просто. Нам дали заявления-бланки, я стала заполнять. Он грамотно не умел писать, 4 класса у него было. Он всегда вместо Анна писал Ана. И вот, когда развернула его паспорт – и там год рождения его 1913. Я ему шепчу – ты же говорил с 1916 года. Он махнул рукой – пиши, ну я и стала писать. Через три дня нам выдали брачное свидетельство. Приехала тётя Дуся и настояла, чтобы мы обвенчались. Так мы и сделали. Венчались в Волгограде, в главной церкви, где впоследствии и вас с Наташей крестили.

Собрали небольшой стол: моя подружка, лучшие мои тётки, брат отца с женой. Вот и вся свадьба. А он оказался вруном, всё время врал внаглую (царство ему небесное) – говорят, про покойников плохо нельзя говорить, ну а если ничего хорошего сказать нельзя! Ну а дальше ты знаешь: что он голубятник, прикрывался этими голубями и продолжал ходить по своим знакомым, которые у него были до меня. Итог – развод. И он потерялся совсем, связался с аферисткой, которая его затянула в свои сети. Нормальный мужик этого бы не позволил. Ещё раз царство ему небесное.

Я тебе не писала про своего отца! Звали его Федот. Его раскулачили в 1930 году, сослали в Архангельск и он там умер от туберкулёза – со слов мамы Нюры. Я спрашивала: что, он был богатым? Говорят, была корова да лошадь. Родственников отца не знала. Наверное, у него их и не было. Моя девичья фамилия была Назаренко, по отцу. А бабушка Денeko. И вот когда меня отдали в школу, записали Денeko, а когда исполнилось 16 лет в 1942 году, я получила паспорт в Красной Слободе на Назаренко. Вот всё подробно, что я могла вспомнить. Извини за непоследовательность, сам подкорректируешь. И за плохой почерк – пальцы корявые стали.

Ещё вспоминаю о своём детстве... Мама Нюра иногда на летние каникулы отдавала меня жить к тётке Дусе за Волгу на эти самые «Скудры». У них было двое детей: Анна, что живёт сейчас где-то в Бекетовке, она с 1930 года и Виктор с 1928 года. Вот мы играем, я самая старшая из них, играем вместе – не ссорились. Но жить мне у них все каникулы не нравилось, потому что я была у них работница. Было хозяйство: корова, куры, огород. И всегда тётя Дуся меня будила рано утром помогать ей по хозяйству, а её дети спали. Рано утром она доит корову, а я потом гоню её в стадо, где-то в определённом месте пастух собирает коров. Прихожу домой, начинаю пропускать молоко через сепаратор, такой аппарат, который отделяет от молока сливки – дальше мою его, а в нём очень много частей, всё надо хорошо промыть. А Анна с Виктором всё ещё спят. Потом тётя Дуся начинает готовить еду – русская печь стояла прямо во дворе (как в сказке Иванушка-дурачок едет на печи русской). И вот в этой печи: протопят её, а потом на угли ставят варить. Была у них здоровенная чугунная сковорода – на неё чищенный картофель и заливается это сливками – чудесное кушанье – картошка пропитается вся сливками очень вкусно. Почему-то ели прямо на земле, прямо у печи расстилается клеёнка и все пять человек – садимся и из общей сковороды друг перед дружкой наворачи-

ваем эту картошку. Ещё она парила там початки кукурузы – аж зёрна потрескаются от жара – и вот мы, детвора, эти початки целый день таскаем и едим. Тогда кастрюль не было, были большие чугуны, которые в печь ставили ухватами. Чугуны размерами были разные – большие и маленькие, и на каждый чугунок был свой ухват (железная рогулька с деревянной ручкой). Вот этой рогулькой обхватываешь чугунок и в печь или из печи.

Ещё помню... Опять утром, её дети спят – меня посылает полоть и окучивать картошку. Она посажена была в чудном месте – с трёх сторон лес-дубы, и идёшь, трава по колено (девственная природа была). Роса – ноги мокрые и вот из этой травы вылетает куропатка (слышал, наверное, птица такая); а вылетела она из гнезда, раздвину траву руками – а там лежат яички. Я их не трогала, зная, что я уйду с этого места и она вернётся их насиживать. Прополу картошку и прихожу домой. Тогда занимаемся детскими играми. Ещё помню, тоже утром посылает меня поливать огород, который был недалеко от дома. И скажет мне тётя Дуся: завтракать мы тебя позовём, поставим маяк – это значит, к длинной палке наверх привяжут красную тряпку и машут ею. Я увижу и иду домой. А поливала из колодца журавлём – над колодцем такое приспособление, которое опускаешь с ведром в колодец, черпаешь воду и снова вытаскиваешь из колодца. Льёшь в канавку, из которой вода льётся в грядки. И вот как увижу эту красную тряпку, всё бросаю и иду завтракать. Ещё помню, на лодке возили на Тракторный продавать овощи и молоко. Тоже утром рано встаём. Тётя Дуся всё приготовит на продажу и ещё соседи; и вот лодка в две пары вёсел, загружаем её и плывём. Мне интересно было грести вёслами. Потому как две пары вёсел надо было ладить с напарником. Но я гребла, когда мы плыли вдоль берега, а когда переплывали Волгу (называли перевал), садились за вёсла взрослые. На Нижнем посёлке закрепляли лодку на цепь с замком. Лодок было много, а здесь уже стоят подводы (лошадь запряжённая, с телегой) которые подвозили нас на базар (помню базар находился там же, где и сейчас), но перед самой войной там был цирк. И вот этот труд мне не нравился, и я злилась про себя, что меня заставляют всё делать. Но это было зло в детстве – сейчас нет. И вот когда мама Нюра приезжала в гости – а ездила она часто – я прошу её: забери меня отсюда (городская жизнь ведь легче). Она обещает – вот поживи ещё немного. Тогда я иду на хитрость. Она уезжает утром рано: первым парходом – а я вечером возьму и спрячу какую-нибудь её вещь себе под голову и думаю: вот будет она утром искать её везде, и я проснусь и уеду с ней, но моя затея не проходила. И тогда я днём, когда в доме никого не было (а на стене висела большая рама с фото – там были разные фото, в том числе и мамы Нюры), целую её фото, плачу и причитаю – ну возьми же ты меня отсюда. А не хотелось там жить – потому что было много работы (за что потом им была благодарна). Я не боялась работы никакой, и ещё дядя Федя (муж тёти Дуси) был грубый и матершинник, и всегда посмеивался надо мной, называя меня длинноногой, а я обижалась. Ростом я была выше их детей.

Ещё вспоминаю, когда мы со Скудров эвакуировались в глубь леса от Волги и где вырыли землянку, место это называлось «Невидимка», тоже не знаю почему...»

(«Вот и ещё одно случайное совпадение с миром фантастики – кстати, очень символическое. Несколько лет назад купил атлас Волгоградской области и изучал его, мечтая, мол, неплохо было бы куда-то переехать в свой собственный дом, хорошее место и наткнулся на это наименование, и удивился – вот мол, совсем по Уэлсу!» Завгар.)

Тут на днях позвонил маме. Она, слава Богу, уже могла подойти к телефону, а то радикулит её так замучил, что и не вставала с постели. И задал ей несколько вопросов: маму её, мою стало быть бабушку, звали Наталья и в честь неё так называли мою сестру, а дедушку её, стало быть моего прадеда, звали Семён. Был он тогда в каких-то раздорах с местным священником, и как они тогда между собой говорили, в отместку тот дал одной из дочерей Семёна

имя Манефа. Тогда имена давали только по святым, но почему то это имя не очень хорошим считалось. Как мама сказала, потом все удивлялись: какое, мол, имя редкое!

И вот ещё что вспомнил: как-то сказал при ней, задумавшись: «Ну вот, дали ему год», а она меня поправила:

– А в наше время говорили так:

Ну вот, дали ему год!
А он не соглашается,
Говорит, мне два полагается!»

Вот такие условия выбраны для рождения Завгара. В разгар лета трава там желтеет и сохнет, земля обнажается и дышит глубинным жаром. В жилах аборигенов течет кровь половцев, хазаров, печенегов, ордынцев алтайского исхода. Здесь созревают характеры пламенные, готовые к борьбе и преодолению. Но не каждый становится готовым дать свободу кипящей в крови страсти. Боря Завгородний «сподобился». Посмотрим, как оно происходило...

Итак, детство:

«Я родился 20 октября 1952 года, ближе к вечеру. Собственно, того раннего детства помнится немного. Куча песка под окном, голубятня отца во дворе. Плоты на Волге, по которым можно было дойти до середины реки; как-то раз отец опустил немку и в неё попался косяк чехони. Да ещё потом укору мамы, удивлявшейся моему коварству. Соседка пекла пирожки, а я подошёл к ней и попросил угостить: «Тётя Маруся, дай пирожка, я три дня не ел...». Ещё как мы переехали в другой дом и я, выйдя погулять, потерялся, и как меня милиционер возил искать старый дом, а потом новый. Из первых лет школы тоже помнится мало. Разве что когда мне прикрепили октябрёвскую звёздочку. Шёл домой, смотрел на неё, и свалился в канаву с водой. Ну и ещё солнечное затмение, которое меня застало, когда я шёл после уроков домой. Больше я таких не видел, чтобы были видны звёзды!!! Ещё помнится: как-то вечером, будучи во дворе, смотрел на небо, на звёзды, и увидел, как одна упала недалеко. Я побежал и нашёл её. Была она жестяная, крашенная серебрянкой, и уже поржавевшая. Из тех, что закрепляют на макушке ёлки на новый год. И первую свою книжку из библиотеки – «Как крокодил солнце проглотил». После того как мне её прочли, я дождался, когда никого в комнате не будет и тщательно замазал крокодила пластилином.

– А не глотай наше солнышко!

Ну, родителей, конечно, отругали в библиотеке, досталось и мне. А ещё как папа бросил курить. Он работал в чугунолитейке и стал уже харкать кровью. И тут или жизнь или сигареты (работы это не касалось) – и он купил мешок леденцов и убрал его на шкаф, чтобы мы не достали. Как же! И ещё тогда в домах не было газа, а пользовались керогазами, покупая керосин в трёхлитровый бидончик, который привозил в бочке какой-то мужик на лошадке. А ещё запомнились два цветных фильма, что посмотрел в маленьком кинотеатре, на первом этаже жилого дома. Люди его называли «Телятник». Это «Девочка ищет отца»! И, конечно, «Человек-амфибия». До сих пор в сердце слова: «Ихтиандр! Сын мой!» – аж слёзы на глазах! До сих пор в нашей кинофантастике нет ничего сравнимого. А из игр запомнилась разве только игра в ножички.

Потом родители получили двухкомнатную квартиру. Построенную хозспособом: после работы папа ходил на стройку и отработывал там 4 часа каждый день. За это, по-моему, даже не платили, так что не совсем бесплатно люди тогда получали квартиры, но и это было огромной радостью: жить без соседей, что делают мелкие гадости друг другу. Например, подбросить таракана в только что сваренные щи. Мол, сам залез похлевать. Другой двор, другая школа. По-видимому, там меня приняли в пионеры, но это совсем не запомнилось. В те годы я серьёзно

увлёкся чтением, записался в несколько библиотек, одна из них была в женской консультации, и мне велели, когда я туда прихожу, идти прямо и не смотреть на стены, где были развешены занимательные для ребёнка плакаты. Там прочитал «Плутонию» Обручева, «20 000 лье под водой» Жюль Верна и много других интересных книг. К примеру, «Васёк Трубочёв и его товарищи». Из деревяшки я вырезал подводную лодку, из пластилина налепил динозавров, особенно хорошо у меня получались диплодоки, и игрался. Жюль Верн не описал встречу капитана Немо с динозаврами! Вот я и восстанавливал эту забытую страничку занимательных историй! С пацанами во дворе я не очень-то дружил, разве что насмотревшись «Крестовосцев» и выстрогав мечи, и сделав из кусков фанеры щиты, играли в них, сражаясь иногда до крови... А всякие хоккеи-футболы мне были не интересны. Зато было интересно, вырезав из коры кораблик и приладив к нему бумажные паруса, запускать его наперегонки с другими мальчишками в лужах. Тогда кстати, я прочёл огромную, толстую книгу Лазаря Лагина с романами «Старик Хоттабыч», «Патент АВ» и «Остров разочарований», и Казанцева «Льды возвращаются». Их принёс мне папа, взяв в библиотеке профилактория.

А потом родители разошлись, и мы с мамой и сестрой переехали в маленькую однокомнатную двухэтажку. Маленькая настолько, что в ванне можно было только сидеть. Ну а папе досталась комната с подселением».

(Возникает неудовлетворённость жизнью, прежде всего отсутствием в ней ярких целей. Жить как все? Нет, неинтересно! Литература, особенно фантастика – окно в иные миры. Но и этого окажется недостаточно. От автора).

Кусочек из школьных воспоминаний:

«А потом пришло время влюбляться и меня угораздило влюбиться в девчонку из старших классов. И я пропал, мальчишечка. Её звали Надежда. Красивое и редкое имя. Меня пригласили в одну подъездную компанию и, когда я её увидел, сразу влюбился. Видно, я не отдавал отчёта себе в том, что смотрю только на неё, слушаю только её. И, видно, это здорово не понравилось. Счастье встречи с ней длилось недолго – кто-то на месте наших встреч написал: «Надя-усачка». А нужно сказать, её верхнюю губу красили едва заметные усики. Но этот кто-то, видно, подготовил её заранее и стоило мне появиться, как она сразу сказала мне:

– Ты написал?!

Я был ошарашен и с чего-то ляпнул:

– Ну я!

С чего это я? Сейчас понимаю – гордыня. Как это меня, такого честного, влюблённого обвинили. А в ответ:

– Чтоб я тебя здесь не видела!

И ушёл я. Но недалёко. Жил я рядом, через дом. А увидеть её страсть как хотелось. И вот стал я выслеживать её каждый день на углу своего дома, и старался незаметно идти за ней, чтобы, не дай бог, она не увидела... Не проходила у меня эта болезненная любовь года два-три. И в школе оставался после уроков, чтобы, когда все разойдутся, посидеть в её классе, и рано утром снова зайти в тот подъезд, где увидел её впервые. Но потом, когда уже закончил 8 классов и, отгуляв лето, устроился на работу, стал её забывать. Была и драка немного из-за неё, но скорее косвенно. После урока, а дело зимой было, пошли на летний стадион и там занялись скорее борьбой, чем дракой – каждый боялся ударить другого по лицу! Драка кончилась тем, что оба замёрзли и разошлись. Я побежал в туалет и там засунул руки под холодную воду, чтобы согреть их. Боль, помню, была такая, что слёзы сами текли из глаз. А ещё раз подрался с товарищем из класса. Почему-то в классе вдруг все пацаны невзлюбили одного бедолагу. Вот даже фамилию его помню: Вдовенко или Вовденко? Я не знал, что тому причиной, и раз, когда мы возвращались с классом из культпохода в театр, это и вылилось в драку на дне песчаного

карьера. Выбрали мне в противники самого рослого, сильного пацана и я, закрыв от отчаяния глаза, смело ринулся в драку. После того как каждый из нас получил по бланшу, а мне разбили губу, был заключён мир и мы пожали друг другу руки. Всё было тогда честно по правилам. А пацан этот пытался со мной дружить, но как-то не срослось. Книжки он, по-видимому, не читал из принципа.

В те времена было много чего интересного. Мы с другом записались на стадионе в секцию тяжелоатлетики. И с удовольствием через день бегали туда тягать железо и качать мускулы. Секция была на первом этаже и в окна заглядывали девчонки, а тренер отгонял их, риторически вопрошая:

– Как вам не стыдно!

А мы с другом стали качаться, готовясь к достижению третьего юношеского разряда. Всё получалось. И вот я пошёл на рекорд! Ноги у меня изначально были сильные и жим лёжа я доделал до того, что погнул гриф. А вот руки подкачали. Я выжал один вес, другой, третий и тут чуть расслабился, и штанга упала мне на лицо, своротив нос на бок... Походил несколько дней со свёрнутым носом, и зашёл к отцу. Он, увидев это, отвёз меня в больницу, где нос быстренько поправили и только горбинка и шрам напоминали о моём рекорде. Но на этом моё желание ставить рекорды не прошло. Потом, получив от тренера задание – приседание из тупого угла – я попробовал детский вес 150 килограммов и снова начал увеличивать вес. 170 кг меня сломало. Штанга с дисками прокатилась по спине вниз и вверх, и меня шваркнуло мордой о помост. Очнулся я в кабинете медсестры, где тренер мне сказал:

– Уходи ты из секции подобра-поздорову...

Так трагически прервался мой путь к Большому Спорту!

Тем временам настал 1968 год и я практически перестал ходить в школу. И лишь когда настало время экзаменов, меня заставили их сдать, вручив свидетельство о восьмилетнем образовании. Учиться мне было скучно; то что меня интересовало, – например, астрономия, – учили только в десятом классе, но её я знал лучше учителя. Литература? Классики мне были скучны. А о Стругацких, Ефремове неграмотные учителя даже не слышали...»

Школа его тоже не удовлетворила. И по сути – он прав. Несмотря на всю сравнительную прогрессивность, и советская школа не давала умения думать, искать. Он сам после четырнадцати лет добился разрешения на взрослую работу. Но и там не нашёл себя. Не было романтики, увлекающей цели, способной заполнить жизнь, отодвинуть всё заполняющую суету.

Боря устремился в самостоятельную жизнь. Да и 30 рублей в месяц на книги, которые ему выделяла мама из своей скромной зарплаты, остро не хватало.

«Лето кончилось и пришлось устраиваться на работу. Мне было 15 и никто на завод мальчишечку не брал. Законы, понимаешь, об охране детства. Но дошёл до обкома ВЛКСМ, хоть сам-то остался пионером. И устроился учеником токаря на ВИЗ (Волгоградский инструментальный завод). Вот лафа была! Приходил к 9 утра, уходил в 13 часов. Но на самом деле полпервого, так как с полпервого до часу был обед. А 60 рубликов минимальной зарплаты отдай! Вот тут я и разгулялся! Купил Сытинский 12-томник Виктора Гюго, из-за того, что там была фантастическая повесть «Клад под развалинами Франшарского монастыря»! А чё? Стоил всего 60 рублей, всего-то зарплата за месяц! Купил 6-томник Мельникова-Печёрского, ну и что, что не фантастика! Зато какой переплёт, какие страницы, а запах! Какие там духи, какой одеколон! Запах истории, запах веков! И маленький 12-томник Брет Гарта издательства

ЗиФ (Земля и Фабрика) двадцать какого-то там года! Ах, где сейчас все эти мои сокровища? Какой злодей владеет ими!

А диалог с обкомом ВЛКСМ? Пришёл, объяснил, и мне выдали письмо с просьбой трудоустроить. И всё! Это потом, когда я открыл клуб, у меня там и кореш появился и справками они меня снабжали вовсю!»

Уже – проявление независимого характера! Оригинальность, стремление к самостоятельности, свободе выбора.

Он брался за любой труд. На высоте 20 метров не каждый согласится собирать металлоконструкции. Но работа с ним играла в непонятные игры. Тротил взрывался на полигоне во всём доверенном ему объёме. С винтовкой за плечом он беспрепятственно добирался до Волгограда, чтобы уволиться из взрывников. В очередной раз токарный станок раскручивал металлическую заготовку и срывался с фундамента. А самоосвободившаяся металлическая болванка пробивала кирпичную стену и успокаивалась вне цеха. После чего станок отключался самостоятельно.

Как родного принимал его только Фэндом.

Миф о Предтече

Ничто в этом мире на пустом месте не возникает. К моменту появления Завгороднего в поле Фэндомы действовало много неординарных личностей. Но ни один из них не стал звездой номер один. Эпоха Фэндомы застыла в ожидании своего Героя, и он пришёл. Ближе Бориса к Небу никого не оказалось.

В окружении таких друзей, как Лев Фролов, он вначале почувствовал, а после и увидел-осознал платформу, на которой можно уверенно стоять. Наметилось своё, по мечтам детства, дело. Если б не фантастика, он с такой мощной энергией и целеустремлённостью мог стать звездой где угодно. От вора в законе до партийного босса. Таково изначальное наполнение личности Бориса. Постоянное стремление выйти за пределы, ограниченные бытовой скукой и общепринятой привычкой либо традицией...

Простой наследник кочевников или ордынцев едва ли способен перестроить себя так, чтобы оторваться от степных корней. Боря – ещё не Завгар – искал иные основания. В разочаровании окружающей действительностью – причина ухода в фантастические сюжеты. Поначалу оно было ведущим мотивом. Отсюда пошёл поиск объекта применения ищущей выхода внутренней энергии, которой он наделён «по крышу».

Слово Борису:

«Но пришло время рассказать о Фэндоме. К тому времени новой фантастики было практически не достать. Как впрочем, и старой. И вот пришла идея организовать в нашем городе, как и в других городах, книжный чёрный рынок. Идею выдвинул Лев Фролов и мы четвером, был ещё Сашка Богайсков, здоровенный парниша, и ещё один мужик, имя которого не помню, собрались в подворотне дома на Порт Саида, где музей искусств, и я торжественно продал Фролову 4-томник фантастической опупеи Крыжановской-Рочестер. Всего по десять рублей том, как и сам брал когда-то. Начало было положено! В следующую субботу мы уже собрались в большем количестве на лавках в скверике напротив и – дело пошло.

Нужно сказать, к тому времени я уже всюду утолял свой голод к фантастике тем, что читал, собирал и сам печатал фантастику любительского перевода зарубежных, в основном англо-американских авторов. С ними меня познакомил Лев Фролов. Первым он мне дал какой-то фантастический рассказ Агаты Кристи, скорее, правда, мистический. Был он страничек на сорок формата А-5; условия были такие: я перепечатаваю этот рассказ для себя и отдаю ему второй экземпляр. Конечно, пишмашинок тогда в продаже не было, и я пошёл в пункт проката, где и взял её сначала на месяц. И начался мой самоотверженный труд после рабочего времени. Вместо того, чтобы как все после работы выпить и погулять, я рвался домой к своему маленькому печатному станку и долбил-долбил одним пальцем нетлётку. В итоге через какое-то время у меня скопилось несколько первых экземпляров разных произведений в своей коллекции ФЛП (фантастики любительских переводов). И третьи, четвёртые, пятые экз дублей. Тогда Фролов поделился со мною несколькими адресами таких же любителей перепечаток, среди которых главными для меня стали Виктор Климов из Ленинграда и Сергей Стёпин из Москвы, и я дорвался до сокровищницы мировой НФ литературы! Многие фантасты потом ругали все эти переводы, мол корявые и так далее. А мне было по фигу. Я зачитывался этими бумажными бриллиантами! Потом оказалось, что вот так по переписке можно наладить и обмен книгами. Но Лев был тихушник и не особо стремился сдавать мне свои адреса! Правда, потом оказалось, что в нашем городе жил ещё более законспирированный человек – Борис Заикин, который запросто ездил к Стругацким в гости, читал их новые произведения в рукописях. Но тот ваще тайлся круче агента ЦРУ. Это потом уже, под конец Золотой Эры Советского Фэндомы, я узнал, что это он в одиночку, тайно шарился по моим любимым писа-

телям. И понял, почему они так удивлялись, зачем из Волгограда опять приехали любители фантастики, ведь вроде недавно были. А пока я налаживал переписку и обмен, стучал сколько было сил по клавишам пишмашинки. И на одной встрече на книжном рынке познакомился с Виктором Белицким. Увидев, что парнишка интересуется фантастикой, – а я выложил на скамейке несколько дублей, которые он купил не торгуясь, – рассказал ему о том, что в стране есть несколько любителей, которые переводят, распечатывают зарубежную фантастику; что цена такой вещицы составляет десять копеек страница (по которой покупал я сам). И мы договорились, что в следующий раз мы встретимся и я принесу всё, что есть у меня, на обмен и продажу. Через неделю я заработал больше ста рублей. И заказал, что у людей было, рублей на 200! Дело пошло!»

«Но... Сколько тогда НФ книг издавалось? 30—40 книг в год, считая переиздания, да новинки в журналах. Очень мало. Поэтому Фантастика Любительских Переводов (ФЛП) просто выручала нас. Потом появилась ещё пара знакомых, которых я привлёк к этому делу – Валерка, к сожалению, не помню фамилии и Игорь Пискунов. Вот, в общем-то мы втроём и создали свой первый домашний КЛФ. И там же решили попробовать написать сами. Замахнулись сразу на трилогию – о Земле, Небесах и Аде. Распределили тетрадки и что-то даже написали, но потом всё это быстро нам надоело. А сердце скучало по настоящей фантастике, и так чесались руки напечатать книги самому. И вот настал тот день, когда Лев Фролов, уезжая на Севера, подсказал идею настоящего клуба любителей фантастики. Она оказалась проста. «Пойди по газетам, в комсомол, партию, союз писателей...» И я начал свой крестовый поход за КЛФ! Сначала, конечно, обратился в Союз писателей, но там мне дали отлуп – нэ интэрисуэт! Затем такой же дали в газетах. Собственно, что я просил-то? Место, где мы можем собираться! И только когда я обратился, уже во всём разочаровавшись, в обком комсомола, оказалось – нет ничего проще. Созвонился с Домом Молодёжи, меня направили к его директору Хмызову. Волнуясь, не находя нужных слов, рассказал о своих задумках и оказалось, что всё легко. Он отвёл меня в какой-то кабинет комсомольской славы и сказал, чтобы я выбирал день недели, когда мы будем собираться. Позвонил в редакцию газеты «Молодой Ленинец» и там появилось объявление, что в четверг, 19 ноября 1981 в Волгоградском Доме Молодёжи в 19—00 состоится первое заседание волгоградского клуба любителей фантастики. Приглашаются все желающие. Конечно, явились все мои друзья, в том числе и Генка Шакиров, мой первый друг по фантастике ещё с 1965 года, и даже Лукины, Любовь и Евгений. Нужно сказать, что я уже был с год с ними знаком. Так как год назад газета «Молодой Ленинец» напечатала в десятке или больше номеров их первую повесть «Каникулы и Фотограф». Я её увидел случайно, когда зашёл в гости к сестре, проведать её. И начал выпрашивать у неё эту прелесть, но оказалось – это её сына Сергея. Вскоре я добился владения этой прелестью и убежал домой читать. Что сказать? Я был просто очарован! Такого в советской фантастике я ещё не читал! До этого вершиной были братья Стругацкие, а теперь появилась ещё одна – супруги Любовь и Евгений Лукины! И я решил познакомиться. Тогда я ещё не протоптал дорогу в нашу полиграфическо-издательскую высотку на привокзальной площади, и начал робко, но настойчиво стучаться во все двери на всех этажах – прося встречи с любимым автором, без которого больше жить просто не могу! Наверное, я выглядел смешно, но цели своей добился – через какое-то время предо мной предстал Евгений Лукин. Потом он мне рассказывал, что я его напугал своей пламенной запутанной речью о высоком назначении Научной Фантастики, о группе ярых любителей фантастики, готовых на многое ради её распространения и возвышения, о сотнях книг самиздата и о многом другом. Не скажу что тогда мы подружились, но я был настойчив и встречи продолжились. После первой встречи в клубе встал вопрос о названии, о плане работ на 1982 год, о страничке клуба в газете «Молодой Ленинец», о многом другом. Постепенно работа налаживалась. Хмызов – директор Дома Молодёжи – свёл меня с одним художником

из НИИ, Игорем Афанасьевичем Наумычевым, мы с ним как-то сразу подружились. И потом позже, где-то через год, он мне заметил: «А как здорово изменилась твоя речь за этот год!» Ну ещё бы! С кем поведешься. Так вот, Игорь Афанасьевич отпечатал мне цветной буклет плана работы на 1982 год. На обложке красовался звёздный дископлан, фрагмент картины нашего художника-фантаста Вармужи. Потом с этим буклетом я и поехал на свою первую Аэлиту. С ним и ещё значком-медалью КЛФ «Ветер Времени», сто штук которых мне тайно изготовил Александр Богайсков, который работал на маленьком заводе сувенирных изделий. А название клуба мы взяли от Геннадия Мельникова. Названия были разные. Запомнилось только «Срез Времени». Но решили: пусть будет «Ветер Времени». Он же нарисовал и эмблему клуба с лентой Мёбиуса, которая потом и пошла на медаль-значок клуба и стала эмблемой наших полностраничных выпусков КЛФ в «Молодом Ленинце».

(Автор: опыт путешествий у нашего героя уже имелся. Добрался даже до лесоповала в Воркуте. Но нигде не задержался. И вот, первая поездка по интересам души! Пермь!)

«А там началась настоящая фантастическая жизнь! Знакомство с Михаилом Шаламовым, Славой Запольских, Женей Филенко, Грузберггами – отцом и дочерью – которые, как оказалось, перевели всю трилогию Толкина „Властелин Колец“, Раисом Зариповым, который тоже оказался собирателем и любителем ФЛП, Геннадием Стародымовым, с семейством Букуров-Горлановых и многими, многими любителями и писателями фантастики. Как я впоследствии вывел для себя, Пермский КЛФ „Рифей“ был одним из сильнейших КЛФ в стране. Ну, с таким председателем и организатором, как Александр Павлович Лукашин, это и не мудрено! Впоследствии я вывел для себя трёх мушкетёров Фэндома, которые мне помогли освоиться в этом мире – Александр Лукашин, Владимир Борисов (Абаканский КЛФ „Гонгури“) и Михаил Якубовский (Ростов-на-Дону, КЛФ „Притяжение“): без лишнего пафоса – мои учителя! Но вернёмся к моему прилёту в Пермь. Поселился я у Михаила Шаламова, если не ошибаюсь. Сейчас смутно помнится, как мы отпраздновали праздник сотого заседания КЛФ „Рифей“. Помнится только, что продолжили мы это действие на Мотовилихинском заводе в редакции многотиражки, где работал корреспондентом Михаил Шаламов. На сотом заседании я познакомился с Виталием Ивановичем Бугровым, редактором фантастики свердловского журнала „Уральский Следопыт“! Это оказался такой человек, такой человек! Настоящая легенда! Умный, добрый, мягкий, знающий о фантастике и фантастах столько, сколько никто сейчас о ней не знает. Как впрочем, и его друг-соратник Игорь Георгиевич Халымбаджа. Кстати на каком-то застолье они мне и рассказали, что и у нас до войны в годы НЭПа были клубы любителей фантастики. Правда участь их и их членов печальна! Но вернёмся к окончанию праздника Сотого Заседания. Вдруг мне пришла в голову идея, что надо качать нашего гостеприимного хозяина Михаила Шаламова! Организовал и воодушевил окружающих. Мы схватили не подозревающего такого коварства Мишу и попытались его подкинуть. А у Михаила, несмотря на его невысокий рост, были богатырские стати! Подкинуть то мы его кое-как подкинули, а вот поймать не получилось. Такой конфуз! Я так расстроился, что позволил покачать и себя. Не помню вот, в тот вечер или другой, но накануне отлёта в Калининград, был приглашён, кстати, и Лукашин, – он нас пошёл провожать и, возвращаясь, наткнулся на хулиганов. Наутро нам сообщили эту печальную весть. И, естественно, в Калининград мне пришлось лететь одному. Ну, до Москвы я добрался нормально, а вот в Калининград билетов не было. Представляете такой второй облом? Саша Лукашин не смог полететь, и тут я! Выручил Виталий Бабенко. Оказывается у него отец был каким-то начальством в Аэрофлоте, и такой долгожданный билет оказался у меня в кармане, а я в Калининграде! До сих пор помнится та тенистая дорога из аэропорта в город, обросшая деревьями. Автобус ехал как в живом зелёном тоннеле! А в отеле, где стояли в очереди за пропиской в номера, заходился смехом знаме-

нитый в наших кругах критик и знаток англоязычной фантастики Вл. Гаков, в быту Михаил Ковальчук. Оказывается, он увидел, как я протягиваю в окошко регистраторши вместо паспорта измятую потёртую справку!»

(Автор: паспорт он ухитрился потерять ещё в Волгограде. Точнее, его у него украли вместе с деньгами ввиду легкой алкогольной невменяемости. А обком комсомола тут же выдал ему справку-заменитель документа!)

А следующий материал (от Олега Шевченко) снимает вопрос о Предтечах-плечах, на которых будто бы поднялся, стоял и двигался дальше Борис.

Ветер Времени

*Ветер Времени замечает пылью лет
абсолютно все следы.*

С. Синякин

По меткому замечанию Евгения Лукина: «...квартира Бориса Завгороднего, это и есть Фэндом». Когда-то я пришёл в эту квартиру, в гости к Борису, и оказалось, что навсегда остался в Фэндоме. Много раз мы встречались, много раз говорили о фантастике, да всё как-то недосуг было перевести наши разговоры в набор печатных буковок. Так и остались бы не озвученными многие эпизоды истории Фэндома, если бы не... Какая-то существенная необходимость побудила нас с Борисом затеять этот разговор. Собственно говоря – с чего-то ведь все начиналось...?

Беседа:

Давай поговорим о том, с чего все это начиналось.

Начиналось все, в общем-то, с желания трёх одиноких, неорганизованных фэнов: меня, Вики Белицкого, и... блин, вот забыл, как его... надо вот вспомнить, недавно он умер – год-два назад, Валера... а как его фамилия... худой такой был, работал, сигнализацию проводил, вечный калым у него был, вечно он был пьяный, болезненный такой, но любил фантастику самозабвенно, отдавал ей все деньги...

Все волгоградцы были?

Да, да, естественно. И мы, так сказать, попробовали тут на квартире собираться, что-то типа клуба делать. Ну, все увлекались библиографией. Ты вот этот период не проходил, ты, как бы сказать, прибился к НФ-берегу случайно, но вот уже вижу – столько лет прошло нашего знакомства, основательно укрепился, так сказать, ну, вошел в нашу жизнь. Да! Но не начинал с того детства, когда мы искали книги, собирали. Ты никогда не был коллекционером фантастики, а Фэндом, – это коллекционеры фантастики. Тогда, тот Фэндом.

Это что за время было?

Ну, это 60-е, 70-е, 80-е годы.

Понятно, но с чего начиналось всё, с какого времени?

Да нет, ну как начиналось... началось может быть...

Ну, когда пришло решение у вас?

А началось с того, может быть момента, когда я увидел, как упала звезда, и я нашел её в подвале.

Ну и какой это был год, хотя бы скажи?

Это был конец 70-х. Но мы уже собирали печатки, благодаря Льву Фролову, который меня познакомил со многими, а я увлек этим своих друзей: Валеру, Виктора. А потом мы поняли, что нужен нам клуб. Попытались собираться дома. Ну, дома вот соберемся, ну как не выпить? А выпить – как не поболтать. Болтаем и о фантастике, и о бабах, ну больше о бабах. Ну о работе. Знаешь, как это всё... всё это не организовано. Это не умерло, нет. Потом, когда приехал Лев Иванович Фролов, а он тогда был на северах, деньги зарабатывал.

В каком году он приехал?

Ой, я точно не помню. Это конец семидесятых, начало восьмидесятых. Ну, в отпуск, в очередной раз. Я с ним поделился этой мыслью. Он меня, в какой-то мере, поддержал, помог. А потом я обратился... куда бы я ни обращался, все говорили: ну, это всё прекрасно... клуб любителей фантастики... Я, наверное, таким восторженным дурачком выглядел. Да, но что вы от нас хотите? Я говорю: «Помогите нам организовать». Ну, мы же вам свой кабинет не отдадим! Ну, пока, короче, я не наткнулся...

Это что за организации были: комсомол, клубы?

Нет. Я обращался в газеты, обращался в разные клубные учреждения... никто не хотел.

Общество книголюбов?

Может быть, я вот не скажу, потому что книголюбы потом здорово нам помогли. Там до скандала... уволили с работы... но это потом все было... начальника общества из-за меня, из-за клуба вернее, но я-то понимаю, что из-за меня. Потому что вот ты спрашивал, какую роль там Женя Лукин выполнял – да никакую. Приходил, если его приглашали, да и то не всегда, читал свои рассказы. Мы для него были...

А чем вы тогда занимались: ты, Лев Фролов?

Ну, Лев тогда ничем особо не занимался, он уехал и я в переписке ему сообщал. А клуб мы открыли благодаря обкому комсомола и Хмызову, тебе знакомому.

То есть вы открыли клуб в Доме Молодёжи?

Да, но через комсомол. А потом уже с нами стали сотрудничать и общество книголюбов, где я познакомился с главбухом, Маргаритой Колобовой. Вот, кстати, тут есть место привести стихи её мужа. Стихи – это, перевод по моему, там девчонка Наво есть, по-моему это её стихи, мне перевёл их Толоконников Игорь. А Колобов, он версификацией владел хорошо, то есть умел что-то быстро сочинить. Нашему Борису Заикину Щурову присуще это, но лень не дает ему делать.

Так вот нас начали поддерживать в «Молодом Ленинце». Наталья Сломова, была такой корреспондент, или редактор; не редактор, но сектор какой-то там, и стал выходить КЛФ «Ветер Времени», раз в месяц, раз в два-три месяца на страницах газеты, и у нас появилась возможность печатать. Ну, у Лукина были там свои площади, мы ему не очень там помогали, а другим авторам, например Владимиру Першанину, он сейчас детективист, бывший мент, надеюсь, это помогло. Собирались там люди, любящие фантастику, но изначально все люди, которые приходили в Фэндом СССР, ходили туда в основном ради того, чтобы поменяться книгами. То есть мы собирались благодаря книжному дефициту. Что изначально неправильно. Доказало это нам наше время, когда книг полно, а в большинстве городов, где были клубы – они сразу сдохли. Я понимал это изначально тогда. Но я не понимал, а что заставляет, скажем, в Лос-Анжелесе собираться фэнов и писателей. Дефицита книг там нет. Возможно, они обменивались там тоже книгами, но редкими какими-то. Или прочитал – дай другому, а ты дай мне эту прочитать. Но на какой-то другой основе. Вот мы до сих пор к той другой основе, американской, не придём. Я понимаю, почему не придём – потому, что продолжается то время, когда книга не только лучший подарок, но это ещё... те кто покупает книги, это как бы... уровень показателя успеха в жизни. Книгу могут купить только те люди, которые преуспели в этой жизни. У них хороший заработок и т. д.

Как ни странно, книги, насколько мне известно, покупают те люди, у которых доходы не очень велики.

Правильно. Это не странно, это правильно. Книгу могут позволить себе купить, сейчас, в данный момент, люди преуспевающие, но они её не покупают. А нищета, вроде меня... Пошёл «Лик северной Пальмиры»...

Но мы покупаем книги, потому что мы хотим их читать, они нам нужны. А у меня, допустим, есть знакомый, он человек очень состоятельный, и он считает, в их кругу так принято, что в доме должны стоять книжные полки с книгами. Неважно, читаешь ты их или нет, они должны быть и должны быть самые известные авторы. Они приходят, покупают отсель досель, приходят домой и так вот, и ставят отсель досель. Для них это не литература, не информация... это просто антураж.

Это очень прекрасно, это неплохо.

Я считаю, что это идиотизм.

Нет, ты не прав. Во-первых, это помогает издательствам развиваться, потому что мы нищета, не в силах...

Во-вторых, их дети хоть что-то читают...

Могут, могут прочесть. Или человек придёт, прочтёт. Или ты пришел, взял, понравилась книга, а он о ней и не вспомнит. У тебя появилась дома книга, которую ты так никогда бы не купил.

Они не покупают книги по одной. Они их покупают упаковками, пачками. Набором корешков.

Тем более, вот тебе пример к нашей болтовне. Раньше, первые книги... Сейчас всё это забылось, но я долго, долго помнил каждую книгу, при каких обстоятельствах купил вплоть до минуты; как я входил в магазин, как дрогнуло моё сердце, как я за неё ухватился, как продавщица мне говорит: «А что у вас под жилеточкой?» Типа я не был похож, наверное, на книголюба, даже тогда.

Сейчас уже не говорят, сейчас уже электронные системы все контролируют.

Да, да. Ну, так вот. Вот наш клуб родился. Конечно же, поверь мне, в нём работал в основном я. Это вот, скажем, наша Ольга Кавеева, благодаря усилиям которой сейчас живет уже настоящий журнал зарегистрированный, хотя по форме он фэнзин остаётся, Шалтай-Болтай.

По духу.

Да, по духу.

Она десять лет его хранила, развивала.

Да. Из листочка. Да. Молодец. И тогда она была. Но я единственный, кто их гнал: сдавайте деньги! Хожу по кругу, собираю в шапку деньги, надо на переписку. Посчитаю – мало, на бутылку не хватает. Иду обратно, раз – на бутылку, давай выпьем. Но это уже после заседаний. Мало людей было тех, кто действительно работал там. Была Ольга...

Люди были все в основном творческие, и у них всё в основном от настроения зависело? Есть подъём, они работают, нет... и работы нет.

Творческие, в каком-то смысле. Естественно Ольгу нельзя назвать нетворческой личностью. Или даже меня, несмотря на моё сейчас явное такое падение, в жизни такое падение идет, года, и нет успеха и возможности зарабатывать. Творческих тоже не особо много было,

на 90 процентов клуб состоял из тех вот... Особенно их стало много, когда мы стали показывать кино. Ну, тогда мы сделали за деньги.

Что за кино, какие фильмы?

Первые видеофильмы, фантастику.

Это когда появились видеосалоны?

Ну, позже намного. Ну, естественно, намного. Общество книголюбов помогало лично мне, я все деньги тратил там – а брюки рваные. Та же Маргарита Колобова, главбух областного общества книголюбов, говорит мне: «Боря, вот на тебе сто рублей, распишись». Я говорю: «За что?» Я только познакомился, она фантастику любила, я ей стал печатки давать, у неё вот такие глаза. У всех, у меня впервые, когда мне Лева Фролов дал первую печатку, у меня глаза вот такие. Я пошёл, взял машинку напрокат, перепечатать, она у меня заела, мне говорят – надо маслом. Я ничего умнее не придумал – подсолнечным. На другой день клавиши встали намертво. Я отнес её, сказал:

– Что вы за машинки даёте?

– А вы что с ней делали? Не смазывали?

Я говорю:

– Да, что вы, что вы? Я и не понимаю.

То есть ты уже понял, что сделал?

Да, естественно. Она сперва у меня поработала до вечера. Я закончил повестушку, помню даже рассказик Агаты Кристи какой-то фантастический. А потом наутро перестала. Но мы вот собирались, жили тогда. Я хочу сказать, это вообще были золотые годы. Клуб открылся 19 ноября 81 года и закрытием клуба можно считать, когда окончился Волгакон. Это сентябрь 91-го. То есть мы проработали 10 лет. Вот эти десять лет... у меня, конечно, есть эгоцентризм, но поверь мне, недаром я их считаю, это золотой век.

Волгоградского Фэндома.

...советского Фэндома.

Вообще советского Фэндома?

Да. Потому что клубы существовали, говорят, чуть ли не во времена Беляева. Сведения есть, что в 60-х годах в Харькове существовал при университете, вроде бы, крупнейший клуб. До 1000 человек собиралось, до того крупный, что...

Но он был официальный или неофициальный?

Тогда вообще всё было официально, Олег. Вот даже печатки. Я же, когда мне КГБ на хвост село, ведь не скрывал. Я говорю: «Вот печатки». Они начали: «Там антисоветчина!» Я говорю: «Вот почитайте, найдите там антисоветчину». Я же не скрывал, я же переписывался. И говорю: «Вот письма». Они говорят: «А они на английском». Я говорю: «Правильно, правильно». Он мне: «Я не понимаю». Я говорю: «Я вам даю, вы прочтите, вам же переведут». Дайте мне перевод, чтобы я мог ответить этому человеку. Я так до сих пор английского и не знаю. Ничего. Все нормально. Все было официально. В отличие от политического андеграунда, которые там протестовали, мы до этого не доросли, или нам неинтересно было, что ли. Мы политики не касались. Нам нужна была фантастика. Фантастика и ещё раз фантастика. За фантастику всё отдавали. Доходило до того, что объявляли фантастикой книгу, где на сотой странице герой подумал: а вот тогда-то полетят в космос. А на шестисотой странице он лежал и представлял, как...

На безрыбье и рак рыба?

Сам раком станешь... вот.

То что, собственно говоря, сейчас свойственно фантастике Канады, когда в число фантастов включают людей, хотя бы одно слово «фантаст» включающих в свое произведение.

Похоже, но не совсем. Ты всё-таки не понимаешь... мы были в гетто. В гетто таком находились, страшном. Почему, зачем? Ты хоть и вошел в Фэндом, многое пропустил и не знаешь. Над этим очень поиздевался Роман Кац в своей знаменитой работе «История советской фантастики», где описал, чтобы было бы, если бы все руководители Советского государства изначально любили фантастику. Впоследствии, как-то с Лёхой Щепковым, фэном из Краснодара, купив пять 3-х литровых банок вина, на острове Тузла, где конфликт недавно был, там собирались фэны, но тогда нас уже всех разогнали, а мы единственные прорывались, я пытался угнать теплоход; когда меня на этом поймали, когда я пимпочки в дизеле дергал, меня поймали, и я требовал вызвать консула, Жириновского, и сказал: «Вам, хохлам, будет ещё». Ну, меня выдворили с этой оконечности Украины, я снова вернулся, меня снова выдворили. И тут у меня деньги кончились, и кончилась, естественно, борьба. Вот тебе проза – бороться можно, когда у тебя есть деньги. Красиво бороться, с пьянками такими, где мы споили пограничника и его уволили с работы. Он пришёл к нам опохмелиться, заливаясь слезами. Мы сказали: «Ну, братан, извини».

Поэтому украинцы и не хотят иметь дело с Россией? Опасаются, что мы их споим больше, чем они сами себя?

Да, да. Ну, ты знаешь, их не надо спаивать. Вообще, на самом деле никакого нет этнического, биологического признака деления нашей расы на русских, украинцев, белорусов, это все сленг. С бандитом поговоришь: наши шушеньки по грабарям... Ты скажешь – другой язык. Нет. Это сленг. Русский, белорусский, украинский – это три сленга одного народа. А всякая шваль, которая лезет во главу, начинает выяснять, что у нас корни другие. У нас корни одни – один народ. Да ладно, не будем о политике. Я тогда не любил политику, и не будем о ней сейчас.

Вот таким образом – в общем-то клуб умер. Но я тогда говорил и сейчас, как какой-то французский король, по-моему, Людовик 14-й, говорил: «Государство – это я». И я скажу сейчас так: «КЛФ „Ветер Времени“, – это я». Он не умер, он просто сейчас в творческом отпуске. Выпивает, закусывает, если есть, ну а нет, обходится без этого. Вот тут как раз можешь вернуть слово о королях Фэндома, раз мы начали.

Нет, я сейчас хотел тебя спросить о твоей переписке.

Ну давай! Хотя было бы лучше сейчас о королях Фэндома.

К королям мы вернёмся. Давай мы с тобой, поскольку ты активно занимался продвижением клуба, его взаимоотношениями не только в Волгограде, с любителями, но и с другими городами, с другими странами... Ты, я знаю, вел огромную переписку. Просто колоссальную по тем временам переписку. Я хотел бы по поводу клубов Советского Союза. Как вообще это время отразилось в развитии клубов в разных городах. Это каким-то параллельным образом шло?

Немного не уловил смысл твоего вопроса. Что ты хочешь? О переписке рассказать или о чём?

Вы устанавливали...

Я устанавливал клуб. Я начал искать людей. Где-то немного помог Фролов. Где-то немного... По-моему от него я получил адрес Нины Бергиной из Краснокамска, очень девушка

была такая, влюбленная в Беляева. Я даже с помощью Общества Книголюбов, тогда все немножко охренели, издал её работу, весьма поверхностную, но других вообще не было. Как наша Ирина Карпова попыталась библиографию Волгоградской фантастики издать, вот так она сделала с Беляевым. Над этим бы работать и работать, но у неё своя работа была. Тем не менее, я издал. Она меня познакомила с другими фантастами, в частности с Пермским клубом, с Александром Павловичем Лукашиным. Через него я вышел на Борисова Владимира Ивановича – клуб «Рифей» (Абакан), на клуб «Притяжение» (Ростов-на-Дону) – на Михаила Якубовского и Сергея Битюцкого, ну и так далее. Тогда я узнал, что уже были клубы первой волны, выжившие после какого-то застоя. Вот скажем, Харьковский клуб, о котором говорили и говорят. Саратовский клуб, тоже 60-е года, он долго просуществовал, но там были совершенно другие люди. Те клубы, они не выходили друг на друга и вообще это не приветствовалось. И потом, когда нас ЦК ВЛКСМ инспектировал, искал крамолу, почему вы переписываетесь: то есть общаться нельзя было. И клубы 60-х, даже 50-х годов – они не переписывались. Но возникли такие клубы, как в Перми «Рифей», как в Абакане «Гонгури», как в Ростове-на-Дону «Притяжение». Как в Тбилиси, впоследствии его возглавлял Ираклий Вахтангишвили, сегодня он редактор Киевского журнала «Реальность фантастики». Вот ту историю, которую я рассказываю, это взгляд только с моей стороны, это не полная история. Они знают много больше. Они первые клубы, которые жили вместе, и я подключился, но позже уже.

Они возникли чуть раньше «Ветра времени», или вы примерно в одно и то же время...
Раньше, на два, три, пять лет. То есть у них уже было.

То есть, когда ты начал на них выходить, они уже собственно развернулись.

Это, как бы, старшие братья. Они уже тогда, до меня, начали ездить друг к другу в гости. Например, была неплохая связь у Ростовского и Тбилисского клубов, но что меня удивляет: не в Москве, не в Ленинграде тогда. То есть, клубы были, но вот на таком уровне: 50-х—60-х. Вам должно хватить, что вы тут есть сами по себе. А пришла вот эта поросль молодая, я себя к ней не отношу.

Здравствуй племя молодое, нездоровое...

Как раз – здоровое. Я как раз себя отношу к одним из первых. При Беляеве, говорят, были клубы – не знаю ничего о них. Появились в пятидесятых, с развитием фантастики шестидесятых клубы, которые, в свою очередь, замкнутые были, породили вот эти клубы – Пермский...

Уже открытые...

Уже открытые, которые искали контакты. Вот их деятельность, глобализация в рамках страны. Их деятельность каким-то образом, непонятно, но повлияла на то, что вот появился у нас клуб. Я о них ничего не знал, но появился у нас, я на них вышел. И я вошел уже в сеть. Сразу мне список адресов, переписывались. Когда я охватил там, сто у нас было клубов, я понял что мне мало.

Сто клубов?

Ну примерно.

Начало 80-х годов...

Ну меньше их было тогда, это к середине 80-х уже.

Ну, собственно говоря...

Их больше было, но мы всех не знали.

Конец 70-х, начало 80-х – это рождение Советского Фэндома?

Начало Золотого века. Он уже родился. Он до этого был, но... Это начало Золотого века. Вот когда уже встретил другого человека – вот тут у тебя что-то горит, а он тебя понимает – это радость большая. Но когда он тебе сказал, посидели вы с ним неделю, высказали, ну елы-палы! Вот тебе сотня адресов таких же, как ты, и давай встречаться. Ну, пока сам поезди. Сперва мы ездили в одиночку, но уже тогда, в 81-м году, начались первые встречи. Первую встречу, насколько я помню, сделали пермяки. А потом уже начались... Но мне этого было мало. И я уже не помню когда, но по-моему в 83—84, я съездил каким-то образом, завязался с несколькими фэнами из других стран; и к Юрию Илкову поехал за границу. Вот отсюда начинается мой этап переписки с заграницей.

Вот на этом давай с тобой остановимся и все-таки продолжим разговор о Советском Фэндоме. Я так понял, что он зрел давно, ещё с Ефремовских времен, но всё это было в очень ограниченном каком-то объёме; и только когда клубы стали плодиться по стране, когда фэны начали активно общаться друг с другом, вопреки всем инструкциям и установкам власти... вот собственно это время и есть время создания Советского Фэндома.

Да именно. Золотой век вообще любой истории чем отличается? Люди идут от кулаков к палкам, от палок к каменным топорам и вот они приходят...

От топоров к ручкам...

Нет, ну... и вот они приходят к веку железа, когда не надо тесать тебе этот топор, который тебя прокормит много зимних месяцев, а налил металл – бах, и он готовый, немного вдарил по нему молотком, поводит его по наждаку и вали мамонтов.

По поводу наждаков во времена мамонтов – это интересно...

Нет, ну извини. Затачивали на кремне. В железном веке мамонтов уже не было.

Не жил – не знаю.

Ну да я тоже. Но не в этом дело. Ну вот начинается Золотой век человечества, когда у него орудие – топор. Вот он продолжается какое-то время, пока всех мамонтов не съели. Потом начинается кризис – что-то надо выдумывать – земледелие. Обратный откат – люди плохо живут, освоили земледелие, идет Золотой век до истощения почвы.

Цикличность развития истории...

Да, да, ну ведь так же...

Ситуация в общем понятная.

Фэндом это соц. общество такое...

Королевство...

Да.

Фэндом, это королевство фантастики.

Да.

Ну я так понимаю, что у королевства должны быть свои короли.

Мысль так сказать – остра, это без шуток. Подумаем, подумаем.

Вот конец 70-х годов. В общем-то, на мой взгляд, как мне кажется, время бурного развития Фэндомы, когда началось общение между клубами, стали выкристаллизовываться какие-то личности, которые стояли, в общем-то, у истоков развития.

Во главе.

Во главе развития люди, которые непосредственно занимались, как раньше было принято говорить общественной работой: вели переписку, организовывали встречи. То есть – организаторы. То, что сейчас принято называть менеджерами, а в свое время называлось – администраторами, но это, в общем-то, организаторы.

Вот ты назвал их общим образом где-то правильно – короли Фэндомы. И я считаю, что к таким лицам нужно относить Борисова Владимира Ивановича, Абакан, основателя КЛФ «Гонгури», детского клуба «Центавр». Вот он такой человек и когда я, давно уже, последний раз встречался, спрашивал: «Как ты живешь? Нас, стариков, никто это...» А он говорит: «Ничего, вот у меня нормально. Ребята, центаврыта мои, все поднялись. Дают мне возможность заработать, то сё...» Я говорю: «Как прекрасно».

Это Лукашин Александр Павлович в Перми, клуб «Рифей». Ну он-то живет несколько трудней. Помнишь, я тебе рассказывал – в прошлом году я побывал в Перми. Наверное, это моя последняя поездка была. Ну вот обратно же – он занимается тем, что ему нравится. Ну не совсем конечно, но мал-мал зарабатывает.

Это Михаил Альбертович Якубовский и Сережа Битюцкий из Ростова-на-Дону, КЛФ «Притяжение».

Люди при деле, но не в таком бедственном состоянии, как я. Потому что нигде не берут на работу. Обратно вот: почему не берут на работу... Видишь здесь отступление.

Возраст...

Не только. Понимаешь, это как бы судьба мстит. Ты видел у меня две трудовые с двумя вкладышами. Это целая книга. Всегда работа для меня была средством заработать и заниматься любимым делом.

Вот перед уходом в «Атом», где я профессионально два-три года занимался клубом, я работал на Красном Октябре, в Водоканале, и у меня там были 12-ти часовые смены: день работаешь, день отдыхаешь, в ночь идёшь. Сутки отсыпной, два дня выходной и снова. Так вот я смеялся над этим. Мне говорили: как ты успеваешь тысячи писем на Запад и по Союзу разослать. А я говорю: так я занимаюсь этим на работе все двенадцать часов, не считая перерыва на обед – это святое.

Это Ираклий Вахтангишвили из КЛФ Тбилиси. Это вот короли того фэндомы. Там были и другие люди, но это те, кто мне запомнился. Были ещё как бы Боги фэндомы. Это Вл. Гаков, это Володя Гопман, это Бабенко. Рядом были Эдуард Геворкян, Александр Силецкий. И даже, скажем, таким богом для нас был здесь Евгений Лукин. Но боги потому, что они преследовали свои цели. Мы им нужны. Впоследствии, когда я вышел на Западную фантастику, начал там публиковать обзоры. Обзоры ничего не значащие – просто библиография фантастики в Локусе. Ну мне Гаков написал: «Если ты будешь публиковаться у них, то я с тобой переписываться не буду, не будем дружить». Ты знаешь, как я переживал! Я сказал: «Я буду», и он перестал мне писать. Я так переживал тогда. Вот я беру книгу и читаю там: «Такой-то прошёл туда-то». Вместо имени у меня перед глазами – «...Булгаков пошёл туда-то...», «Вл. Гаков пошёл туда-то».

Я не мог даже книги тогда от переживания читать. Сейчас смешно это, но они для меня тогда действительно были учителями. Как бы вот сами росли и меня тащили.

Ну не знаю, можно ли королевой Фэндомы, да ну, почему нельзя, назвать Таню Приданникову из Магнитогорска, которую там мамашей Фэндомы считали. Конечно же можно, потому

что другого человека такого не было фактически. А Саша Николаенко из Тирасполя, клуб Альтаир...

Часть первая Явление Фэна №1 (1981—1988)

Роза Ветров

Ко времени появления Бориса в поле Фэндомы действовало «ПРИМЕРНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ о клубах по интересам и любительских объединениях», утвержденное первым замом министра культуры СССР Ю. Я. Барабаш, согласованное с секретарем ВЦСПС Л. А. Земляниковой и секретарем ЦК ВЛКСМ Б. Н. Пастуховым в августе 1980 г.

Третья волна движения КЛФ. Аэлита-81

Создавалась атмосфера, которая действовала далеко за пределами Фэндомы. В 21-м веке, отделившем то время плодами перестройки и переориентации как в государственном, так и в личном масштабе, оценки прошедшего меняются непрерывно. Многие ищут причины собственных неудач именно там. Что-то им не давали, что-то не позволяли. А некоторые находят причины даже в близости к Фэндому. Но только не в себе. Атмосфера текущего дня способствует. Она не фэндомовская, не фантастическая, и даже мало интеллектуальная. Грубая земля уже не только под ногами, но и перед глазами, заслонила ненужные звёзды.

Фэндом тогда распространился от Калининграда до Камчатки. Сотни клубов объединили тысячи фэнов. Волны от них распространялись по всей большой стране.

КАКИЕ ВСТРЕЧИ ДАРИТ РЕЙС?

© В. Буря, 1988

/За знания (Комсомольск-на-Амуре. – Политех. ин-т). – 1988. – 1 дек.– 30 (401). – С. 4.
Пер. в эл. вид Ю. Зубакин, 2004

В первых числах сентября этого года крайкомом ВЛКСМ, редакцией краевой молодёжной газеты был организован агитрейс на теплоходе «Василий Полярков» по маршруту Хабаровск— Николаевск-на-Амуре—Хабаровск. Для участия в рейсе были приглашены представители общества любителей книги. В агитрейсе участвовали Людмила Серебрянникова (от книголюбов политехнического института) и Виктор Буря (от КЛФ «Апекс»). Сегодня он делится своими впечатлениями от поездки.

Свой рассказ я хотел бы начать этими строчками: «Мы создали свой КЛФ, и назвали его „Фобос“. Пока нас пять человек (все школьники), но мы всё равно ведём свою работу. На своих занятиях (раз в неделю) мы обсуждаем фантастические книги, проводили конкурс рисунков, пробуем писать свои рассказы (в следующий раз пришлём лучший). Пока у нас не всё получается, поэтому просим прислать примерный план работы». Так сообщил о своем рождении Нижнетамбовский клуб любителей фантастики. Познакомился я с ребятами на большой перемене, во дворе школы. Пригласил их на теплоход, чтобы показать стенгазеты, литературные странички и даже «самодельные книги», которые члены КЛФ «Апекс» делают из публикаций НФ, рассказов в различных журналах. Беседуя с пяти- и шестиклассниками, как правило, настраиваешь себя на разговор о книгах А. Толстого, А. Беляева, Г. Адамова и «любимца» ребят Кира Булычева. Но нижнетамбовские книголюбы приятно удивили, особенно «Диман» – так мальчишки называют меж собой Диму (к сожалению, фамилию не запомнил). Его вопросы

и мысли о таких произведениях, как «Мастер и Маргарита», «Лезвие бритвы» ещё раз напомнили мне, что с мальчишками-книголюбями «ухо надо держать остро». Вспомнилось, как в одной из школ Комсомольска-на-Амуре, где КЛФ «Апекс» проводил «урок фантастики», на вопрос: «Какие произведения братьев Стругацких вы читали?», один из юных книголюбов – шестиклассник – ответил: «Гадкие лебеди», в то время не опубликованную в Советском Союзе (повесть была опубликована позже в журнале «Даугава» в 1987 году под названием «Время дождя»). Но всё же, это исключения. В реальности всё выглядит гораздо, мягко говоря, скромнее. В школьной библиотеке Нижнетамбовки (то же можно и сказать о других библиотеках сельских школ Приамурья) мне показывали набор фантастических книг из пяти-шести наименований; как правило, это были «Аэлита», «Человек-амфибия», «Тайна двух океанов» и парочка зачитанных книг Жюль Верна. Выбор журналов и тот, с недавнего времени, сузился до трёх наименований. Так что читать нашим детям становится всё труднее. Ровесники мальчишек из «Каравеллы» не знают книг Владислава Крапивина. Увы! С трудом вспомнили публикацию нескольких глав в «Пионерской правде» из романа «Острова и капитаны». А где взять? Что ответить ребятам, если своей дочери даю читать бережно хранимые журналы «Уральского следопыта» за прошлые годы. Надо подписаться на этот журнал, там будет опубликована книга «Наследники» – третья часть романа В. Крапивина «Острова и капитаны».

Следующая остановка была в селе Богородское. Там и положение с фантастической литературой, особенно в сельской библиотеке, можно назвать неплохим. Цель моей поездки, как вы понимаете, не ревизия библиотек на предмет фантастики, а пропаганда лучших образцов отечественной и зарубежной фантастической литературы, но без знания «местных условий» трудно вести с читателем разговор. В Богородском мне уже можно было упрекнуть ребят за незнание того, что из фантастики публикуется в журналах.

После большого села Богородское село Тахта показалось совсем крохотным, школа маленькой, классы малочисленными, но проблемы те же и того размера. После пожара в апреле, когда сгорела и без того нищенская библиотека, школьники читают сегодня в основном книги, собранные родителями. Библиотекарь показывала мне бережно обернутые книги из собрания сочинений Жюль Верна, современные сборники фантастики, а также другие, которые несомненно официальным путем придут на полки удаленных библиотек. Я послал бандероль по возвращении домой, ребята из Тахты получили её и прислали письмо с благодарностью.

Николаевск-на-Амуре встретил нас дождём. Участники агитрейса автобусами разъехались по клубам, дворцам культуры и другим сценическим площадкам города. Нам же, представителям обществ «Знание» и книголюбов, предстояла не менее интересная встреча в читальном зале городской библиотеки, где было запланировано знакомство с издательскими работниками, поэтами и прозаиками «Молодой гвардии». К сожалению, в делегации «Молодой гвардии» отсутствовал представитель от редакции фантастики (его включение в эту поездку планировалось), поэтому вопросы об издании фантастики «повисли в воздухе». Обнаружилось другое. Оказывается, на этой встрече присутствовали члены Николаевского-на-Амуре КЛФ «Солярис». С этим клубом наш «Апекс» заочно был знаком. Знакомство состоялось через страничку «Фант» в краевой газете «Молодой дальневосточник». Теперь заочное знакомство стало очным и, думается, будет прочным (прошу простить за каламбур). Вот, пожалуй, и всё, что я хотел рассказать об агитрейсе на теплоходе «Василий Поярков». Разве что я не открыл маленькой тайны о поэтическом даровании сотрудницы вашего института Людмилы Серебрянниковой. Она стала обладательницей главного приза в конкурсе, организованном «Молодой гвардией». Вы спросите: за что? Отвечаю: спросите у неё сами.

НОВОСТИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО КОЛЬЦА

© 1984 Молодой дальневосточник (Хабаровск). – 1984. – 17 марта. – 52 (11563). Пер. в эл. вид Ю. Зубакин, 2009 ХАБАРОВСК

КЛФ «Фант» провёл заседания, посвященные творчеству лауреата премии Ленинского комсомола, писателя В. П. Крапивина и загадкам планеты Земля. Хабаровская студия телевидения продолжила цикл передач для старшекласников любителей фантастики «В мире идеи». Члены телевизионного клуба обсудили кинофильм «Лунная радуга» и роман С. Павлова «Мягкие зеркала», познакомились с фантастическими темами в поэзии. Тема очередной (пятой) передачи «В мире идей» – дальневосточная фантастика. В передаче принял участие хабаровский писатель М. П. Белов.

КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ

КЛФ «Апекс» подготовил слайд-фильм о Комсомольске «Этот необыкновенный город». Фильм был показан на городской отчетно-выборной конференции Добровольного общества любителей книги РСФСР. Сейчас «Апекс» совместно с ДОКом готовит для книголюбов заседание, посвященное 100-летию со дня рождения писателя-фантаста А. Р. Беляева.

АМУРСК

Книголюбы из городского клуба «Кругозор» проведут в апреле традиционный (уже третий год подряд) Праздник фантастики. В программе праздника – книжная выставка, викторина, лекция о творчестве А. Р. Беляева.

СОВЕТСКАЯ ГАВАНЬ

Здесь в ноябре прошлого года начал работу самый молодой дальневосточный клуб любителей фантастики – «Экипаж». Члены клуба провели заседания «Фантастика и музыка», «Юмор в фантастике», «Творчество А. Беляева», заседание, посвященное Международному женскому дню. При «Экипаже» работает детская секция, в которой занимаются школьники города.

ВЛАДИВОСТОК

Совместно с горкомом ВЛКСМ и Обществом любителей книги КЛФ «Комкон-3» готовится к встрече гостей и участников второго Дальневосточного фестиваля любителей фантастики, который состоится в июле этого года во Владивостоке. Коллеги из «Комкона-3» покажут на фестивале новую программу слайд-фильмов, синтетических спектаклей. Продолжаются выездные заседания «Комкона-3» в городах и посёлках Приморского края.

ПЕТРОПАВЛОВСК-КАМЧАТСКИЙ

Продолжает работу КЛФ «Далекая Радуга» при редакции газеты «Камчатский комсомолец». «Задача клуба, – пишет нам его председатель, журналист И. Мальцев, – объединить клубы любителей фантастики Камчатской области, дать аудиторию пишущим, рисующим и фотографирующим фантастику». Задачу эту «Далекая Радуга» выполняет: на страницах молодежной газеты выступили молодые писатели-фантасты Д. Глебо, Р. Вейкман, П. Панов, Д. Томин, клубная страничка познакомила читателей с фантастическими фотографиями Л. Баташева, с рисунками И. Мальцева. Сейчас «Далекая Радуга» готовится к участию во втором Дальневосточном фестивале любителей фантастики.

Р. Арбитман

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

© Р. Арбитман, 1983 Саратов, 1983. – 1 с. Пер. в эл. вид Ю. Зубакин, 2001 1 августа 1983 г.

«Дорогие друзья!»

Наш КЛФ образован в 1965 году при научной библиотеке СГУ. Состав – студенты, преподаватели университета и др. вузов, а также – все желающие. Количество – 30—50 человек, в зависимости от темы заседания (обсуждение «Соляриса», например, привлекло более 100 человек). Актив – 15 человек, совет – 8 человек. Наша основная задача – сориентировать читателя в безбрежном море фантастики, способствовать воспитанию читательского хорошего вкуса. Мы сотрудничаем с газетами и стараемся больше внимания уделять НФ-критике и информации. Вот, пожалуй, и всё – основное.

Сколько КЛФ было на просторах Союза в разные годы – никто не знает. В процессе поиска материалов для книги я встречал цифру 500 и даже 600!

Компания у Бори вначале была явно не фэндомовская, разночинная. Ещё раз спросим: как же он сделал шаг, обусловивший выбор на всю жизнь? Любовь к фантастике – всего лишь общая предпосылка. Какая скрытая сила привела его в Фэндом?

Первая волна КЛФ – 60-е годы – связывается прежде всего с обсуждением научно-фантастической литературы.

Вторая волна – с начала 70-х – включила в сферу интересов фэнов науку и НЛО.

Третья волна (с начала 80-х) раздвинула спектр интересов и методов работы насколько было возможно!

Борис сделал серфинг на гребне третьей волны. Все волны поднялись под эгидой ВЛКСМ. Комсомольские работники стали инструкторами в организации нового дела. И работа пошла. С уставами, программами... И противоречиями, как внешними, так и внутренними. Ниже маленький пример, который здесь нет возможности развернуть в отдельную захватывающую историю. В клубах (и во всём Фэндоме) – и преемственность, и борьба личностей за лидерство, и пересечение разных стремлений.

А круг интересов, мощный выбор всяческих форм работы! И какое тесное единство клубов с писателями-фантастами! В книге всего не отразить.

Волгоградский старт «Ветра Времени»

Начало «Ветра...» словами Бориса:

«Но вот я дома и снова работаю на Алюминиевом заводе и занимаюсь клубом, готовясь к первому Новогоднему заседанию. Прошло всё нормально и начались рабочие будни. Те праздники не как сейчас, растянутые на недели, а отдохнул денёк – и паши. В клуб пришли Галина Матузина и Людмила Безрукова, библиотекари, любящие фантастику – редкое, как я заметил, у них качество. А также Ольга Кавеева. А также в клубе появился совсем юный Сергей Жарковский, а вслед за ним и Вадим Гурьянов, молодая так сказать поросль. А потом через Вадима в клубе появился Сергей Синякин, тогда, по-моему, он капитаном был. Сергей со временем обжился, начал нам читать свои пробы пера и сразу стало интересно! А вскоре наступила весна и я стал готовиться к поездке в Свердловск на „Аэлиту“. Тогда в клуб пришло сразу два приглашения, фактически на одно и то же время, из Свердловска и Ростова-на-Дону, где ребята пробили свой первый семинар. Сердце конечно, рвалось и туда и сюда, но я выбрал „Аэлиту“, а в Ростов поехали Игорь Пискунов и ребята: Вадим Гурьянов и Сергей Жарковский. Потом, когда все вернулись домой, Игорь Пискунов рассказывал, как там отжигали пацаны! Да и Миша Якубовский при встрече не смолчал. А я на „Аэлите“ тоже зажигал по-своему: десятки знакомств. Одно только с Александром Бушковым чего стоит! Тогда же я начал лоббировать всю идею межклубного приза. И долоббировавшись до того, что мне поручили провести по клубам голосование по этому году. А призёром 1981 года единогласно стал Александр Бушков за повесть „Варяги без приглашения“, опубликованную в журнале „Литературная учёба“. Александр Бушков оказался большим затейником и выдумщиком, но так фантаст же! То оказывалось, что он собирал вывески и мечтательно поглядывал на вывеску райотдела милиции, сожалея, что вот такой у него в Абакане нет! То предлагал расковырять капсулу с посланием свердловских комсомольцев своим продолжателям в далёкий 21 век. Уверяя, что послание написано безграмотно, неинтересно и с ошибками, и нам будет стыдно перед потомками. В общем, было интересно. А по вечерам мы собирались в шикарном номере, который сняла чета Лукашиных и, выпивая, вели беседы обо всём».

(Автор со слов Завгара по поводу вывески райотдела милиции... Шли они мимо этого отдела вдвоём, будущий писатель Александр Бушков и Завгар, и оба «на взводе». Бушков замер в восхищении, разглядывая вывеску и выразил вслух желание иметь её. Завгар воспринял желание друга-фэна как приказ Родины и через часок уже занялся отвинчиванием болтов, крепящих вывеску к стене. На вопрос дежурного по райотделу ответил, что идёт плановая замена, и завтра он на это место поставит новую вывеску. Утром Бушков проснулся трезвый, увидел рядом со своей кроватью крупные буквы: «Райотдел милиции», и ужаснулся.)

ВЕТЕР ВРЕМЕНИ. Приглашает клуб любителей фантастики

© Б. Завгородний, 1982. Трудовое знамя (Волгоград. – Алюмин. 3-д). – 1983. – С. 2. Пер. в эл. вид Ю. Зубакин, 2001.

Трудно найти такого человека, который незнаком с фантастикой. Все мы в детстве зачитывались книгами Жюль Верна и Герберта Уэллса, Беляева и Грина. Затаив дыхание, открывали мы новую книгу и, забыв про всё на свете, устремлялись вместе с её героями в опасные путешествия.

Но и повзрослев, многие из нас не забывают героев своего детства, оставшись верными этому удивительному жанру литературы – фантастике.

Год назад в нашем городе при Доме молодёжи был открыт клуб любителей фантастики «Ветер времени». Название для своего клуба мы позаимствовали у одноименной книги американского ученого и фантаста Чэда Оливера. В нашем клубе собираются любители и знатоки фантастики. Здесь люди самых различных возрастов и профессий. Школьники и студенты, рабочие и инженеры.

Разнообразен и круг интересов членов клуба. В клубе действуют несколько секций – это секция контактов, которая поддерживает связи со многими подобными клубами у нас в стране и за рубежом, с писателями-фантастами, критиками и просто любителями фантастики. За год работы члены этой секции побывали у своих коллег в Тбилиси и Ростове-на-Дону, в Свердловске и Перми, в Москве, Ленинграде и Калининграде.

Интересную работу проводят секции детско-юношеская и библиографии.

Литературно-художественной секцией руководят Геннадий Мельников, занявший второе место на международном конкурсе на лучший научно-фантастический рассказ, и Евгений и Любовь Лукины. Недавно Женя вернулся со второго Всесоюзного семинара молодых фантастов, где представлял наш город. Приятно добавить, что произведения Евгения и Любви Лукиных на семинаре были приняты очень тепло.

Для тех, кто желает участвовать в работе нашего клуба, сообщаем, что собираемся мы каждый четверг в 19—00 в Доме молодёжи (зональная комсомольская школа).

Ждем вас, любители фантастики!

***Б. Завгородний, председатель клуба
любителей фантастики***

Войдя в круг третьей волны КЛФ, Борис совершил второе рождение, обозначил переход к реализации своего предназначения. Он нашёл своё дело!

Вот такое начало фэндомовской биографии Бориса. Сколько их было после, – поездок по клубам, конам, фестивалям? Счёта нет.

Авторитет «Ветра Времени» возрастает очень быстро. «Не по дням, а по часам!»

ПРОГРАММА РАБОТЫ ВОЛГОГРАДСКОГО КЛУБА ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ «ВЕТЕР ВРЕМЕНИ» НА 1983 г. (Пер. в эл. вид Ю. Зубакин, 2001)

Волгоградская областная организация общества книголюбов. Молодёжный центр.

ПРОГРАММА РАБОТЫ

Волгоградского клуба любителей фантастики «Ветер времени» на 1983 г».

«Нам не нужен ветер в голове, нам нужен «Ветер Времени».
(Из клубного фольклора)

Январь

Организационное заседание. Подведение итогов работы клуба за год.
Обсуждение плана работ на первый квартал 1983 г.

«Что за прелесть эти сказки!..» (советская и западная сказочная фантастика).

«Пограничные возможности человека» (доклад).

Организационное заседание.

Февраль

«Диалоги с будущим» (конференция по произведениям Станислава Лема).

Организационное заседание.

«Будет ли достроена Вавилонская башня?» (языковая проблема в НФ литературе).

Организационное заседание.

Март

«Любовь и дружба в НФ произведениях».

«А у нас в квартире газ – А у вас?» (быт людей будущего).

Организационное заседание. Обсуждение плана работ на второй квартал 1983 года.

«Джону Уиндему – 80 лет».

«Давайте посмеёмся» (юмор в фантастике).

Апрель

«Дорога без конца» (освоение космоса в НФ литературе).

Организационное заседание.

«Завтрак для чемпиона» (Курт Воннегут-младший).

Организационное заседание.

Май

«И гад морских подводный ход...». (Освоение океана в прошлом, настоящем, будущем в НФ литературе).

Организационное заседание.

«Библейские сказания: миф или?». (Свидетельства древних авторов, глазами учёных и фантастов).

Организационное заседание.

Июнь

Организационное заседание.

«Проблемы робототехники в научной фантастике».

Организационное заседание.

«Моя профессия через 100 лет» (диспут).

Организационное заседание. Обсуждение плана работ на третий квартал 1983 г.

Июль

Организационное заседание.

Обзор фантастики в периодике.

Организационное заседание.

«Мудрость вымысла» (социальная утопия и НФ) XVIII—XX вв.

Август

Организационное заседание.

Архитектура будущего: как ее представляют архитекторы и фантасты.

«Фантастика Японии».

Организационное заседание.

Сентябрь

«Как вы себе представляете школу будущего» (диспут).

«Муки и радости» или «Бег с препятствиями» (нравственные искания героев в произведениях советской фантастики 60-70-х годов).

Время (величина физическая и величина фантастическая или разговор о парадоксах и путешествиях во времени).

НЛЮ – Миф или реальность?

Организационное заседание. Обсуждение плана работ на четвёртый квартал 1983 г.

Октябрь

«О любви к бессловесным тварям...» (к вопросу о гуманизме в фантастике).

«Жажда человечности» (обзор англоязычной фантастики).

Организационное заседание.

Использование элементов фантастики в русской классической литературе.

Ноябрь

«Юбилейное 100-е заседание клуба «Ветер Времени». Собрание, посвященное второй годовщине клуба.

«Прошу слова» (советская фантастика начала 80-х годов».

О клубах фантастики у нас в стране и за рубежом.

Организационное заседание.

Декабрь

Научная фантастика: новые веяния (НФ-фото, НФ-поэзия, НФ-музыка, НФ-живопись и т. д.).

«Великолепная семерка» (англоязычная фантастика. Часть первая. Обзор творчества Рея Брэдбери, Айзека Азимова, Роберта Шекли, Клиффорда Саймака, Артура Кларка, Урсулы ле Гуин, Кристофера Приста).

«Великолепная семерка» (англоязычная фантастика. Часть вторая. Обзор творчества Филипа Жозе Фармера, Френка Херберта, Джеймса Болларда, Брайана Олдисса, Роберта Силверберга, Роберта Хайнлайна, Филипа Дика).

Организационное заседание.

Новогодний вечер.

Завидный размах, не правда ли? И все эти мероприятия состоялись.

Б. Завгородний. ВЕТЕР ВРЕМЕНИ

Молодой ленинец (Волгоград). – 1983. – [?] марта. Пер. в эл. вид Ю. Зубакин, 2007.

От Калининграда до Владивостока, от Мурманска до Тбилиси, в любой точке Советского Союза можно сейчас встретить клубы любителей фантастики, которые создаются при учебных заведениях, библиотеках и редакциях газет, при творческих союзах и обществах книголюбов, в городских молодёжных центрах.

На свердловском семинаре руководителей КЛФ, состоявшемся в прошлом году, предложение назвать Всесоюзное объединение клубов «Великим кольцом» встретило всеобщую поддержку. Тому, кто читал роман И. Ефремова «Туманность Андромеды», наверняка запомнилось описание «Великого кольца» – моста, соединяющего миры.

Тысячи километров разделяют наши клубы, но это не мешает нам дружить, поддерживать творческие связи, обмениваться клубными материалами.

В августе прошлого года в Москве при Добровольном обществе книголюбов РСФСР был создан научно-методический совет по фантастике и работе с клубами. Председателем его стал А. Н. Стругацкий. В совет вошли Д. Биленкин, В. Бабенко, М. Ковальчук, М. Якубовский (Ростов), А. Лукашин (Пермь).

В этом выпуске мы предлагаем вам творчество наших гостей – членов клубов из других городов.

Б. ЗАВГОРОДНИЙ,
президент Волгоградского КЛФ

Постановление президиума правления Волгоградской областной организации ДОК РСФСР (1984 г.)

«Об опыте работы клуба книголюбов фантастики

«Ветер Времени»

Президиум постановляет:

1. Опыт работы «Ветра Времени» (президент Б. Завгородний) одобрить. (Справка прилагается).
2. Предложить ответственному секретарю областной организации ДОК подготовить материал об опыте работы клуба для областных газет, радио и телевидения.
3. Провести семинар руководителей клубов книголюбов по обмену опытом работы на базе клуба «Ветер Времени» в мае 1984 г.

Председатель З. Ф. Дубровина,
секретарь Г. С. Шулепова

Далее краткий анализ:

Число постоянных членов клуба до 25 человек. Это рабочие, ИТР, служащий, студенты и учащиеся. Их объединяет любовь к книге, мечте, познанию будущего человечества. В клубе несколько секций: литературно-художественная, детско-юношеская, библиографии, переписки и контактов, эсперанто, переводов и др.

За два года в жизни клуба было немало интересного. Проведены конкурсы и выставка фантастических рисунков волгоградских школьников. Лучшие работы экспонировались в областном молодёжном центре. Во Дворце пионеров была проведена выставка картин старшего преподавателя кафедры архитектуры ВИСИ А. А. Вармужи – самодеятельного художника-фантаста, который рисует с 1957 г.

Члены клуба выступали с лекциями перед слушателями Зональной комсомольской школы, студентами Волгоградских ВУЗов. Наиболее интересные лекции: «Фантаст-новатор Владимир Маяковский», «Пограничные возможности человека» (с демонстрацией врачом-психоневрологом А. Пономарёвым, членом клуба, некоторых из возможностей человеческого организма), «Социальная утопия 17—19 вв.», проведены актуальные, имеющие широкое общественное значение диспуты «Моя профессия через 100 лет», «Как вы себе представляете школу будущего», «Быт людей будущего» и т. д. Проведены тематические вечера: «Использование элементов фантастики в русской классической литературе», «Прошу слова: советская научная фантастика 80-х», «Сказочная фантастика», «Феномен времени в науке и фантастике», «Будет ли достроена Вавилонская башня? (языковая проблема в жизни и НФ-литературе)».

Работа клуба не замкнута в четырех стенах. Часто члены клуба «Ветер Времени» проводят выездные заседания, бывают в гостях или встречаются у себя любителей фантастики из города Дубовки. Члены клуба принимали участие во всех встречах и семинарах по обмену опытом работы аналогичных КЛФ. Побывали в г. г. Абакан, Пермь, Москва, Ленинград, Ростов, Калининград, Тбилиси, Свердловск. Активно участвовали в выставке живо-

писи «Время-Пространство-Человек» на ВДНХ СССР, организованной журналом «Техника—молодёжи» и ЦК ВЛКСМ.

За последнее время книголюбы клуба ознакомились с произведениями передовых советских фантастов В. Михайлова, А. и Б. Стругацких, Д. Биленкина и др., а также с творчеством молодых фантастов: А. Бушков из Абакана, Е. Филенко из Перми, В. Петрова из Тбилиси и др., а также с творчеством прогрессивных западных фантастов Р. Брэдбери, К. Саймака, А. Азимова и др.

В плане клуба знакомство с новинками фантастики и их обсуждение, доклады о творчестве писателей, посвященные их юбилеям, продолжение курсов развития творческого воображения, которые ведет инженер Н. Лопаткина, ежемесячный парад лучших произведений писателей фантастов, переписка с писателями-фантастами и критиками, аналогичными клубами у нас в стране и за рубежом, знакомство с новыми произведениями молодых писателей-фантастов.

Заседания клуба проводятся еженедельно по четвергам с 19 часов вечера в областном молодежном центре.

С момента создания клуба проведено 150 заседаний. В работе клуба имеются недостатки: слаба связь с библиотеками города, многие заседания проводятся не на должном уровне, слабо готовятся. Совет клуба не проявляет должной заботы о росте членов клуба из числа молодых рабочих, учащихся ПТУ, студенческой молодёжи, учащихся старших классов школ.

Областная организация Общества любителей книги постоянно оказывает методическую помощь Совету клуба «Ветер Времени», вместе с Советом клуба продолжает работу над совершенствованием форм и методов работы по воспитанию читательских вкусов и интересов членов клуба.

Зам. Пред. Областной ДОК РСФСР Н. Н. Грудева

Кусочек истории «Ветра Времени»:

«Первое официальное зарегистрированное заявление об организации в Волгограде клуба любителей фантастики было сделано в 1965 г., чему была посвящена заметка «Нужен клуб любителей фантастики» в газете «Молодой ленинец» №95 от 10 августа 1966 г.

Первое официальное заседание клуба «Ветер Времени» состоялось 19 ноября 1981 г. благодаря организационному вмешательству обкома ВЛКСМ и энтузиазму В. Завгороднего, ставшего с того дня первым президентом клуба.

Что было после? Выпуски клуба на радио, телевидении, на страницах областной молодежной газеты «Молодой ленинец», а также в многотиражных газетах: «Нефтяник», «Двигатель», «Политехник», «Градостроитель», «Трудовое знамя», «За коммунистический труд», «Трактор», «Учитель» и др.

Поддерживал и помогал директор Дома молодёжи С. М. Хмызов. Почётным членом клуба избран писатель А. Палей. В работе клуба принимают участие молодые писатели-фантасты Г. Мельников, супруги Л. и Е. Лукины, В. Першанин.

«Ветер Времени» установил и поддерживает прочные связи более чем со ста КЛФ в Советском Союзе, с аналогичными клубами в Болгарии, Польше, Чехословакии, Югославии, ГДР, Испании, а также ведет переписку с рядом советских писателей-фантастов, с критиками и просто с любителями фантастики, по ряду причин не объединённых в клубы. Члены клуба – неперменные гости всех встреч и семинаров КЛФ («Аэлита», Пермь, Абакан, Ростов-на-Дону, Калининград, Тбилиси, Москва...). Материалы о жизни нашего клуба появляются на страницах «Уральского следопыта», «Техника—молодёжи», «В мире книг», в газетах «Книжное обозрение», «Комсомолец Заполярья», «Молодая гвардия» и др.

Клуб «Ветер Времени» имеет тенденции расти количественно, развиваться качественно и принимать в силу своих возможностей участие в реализации последних постановлений Партии и Правительства в области идеологической работы».

СЕНГИЛЕЙ – ВОЛГОГРАД

© А. Коклюхин, О. Уфимцева, 1983.

Путь Ленина (Сенгилей Ульянов. обл.). – 1983. – 5 февр. – (16 (7750)). – С. 4.

Пер. в эл. вид Ю. Зубакин, 2001.

Висим в воздухе несколько часов. Аэропорт Волгограда не принимает из-за неблагоприятных погодных условий. Из-за этого мы уже побывали в Элисте, Минводах, Астрахани и вот, наконец, город-герой с высоты пять тысяч метров. Прозрачно-изумрудная россыпь огней, на фоне которой четко вырисовывается темный силуэт самолетного крыла. Алым светом полыхает за иллюминатором бортовой маячок.

Стюардесса просит пристегнуть ремни, лайнер «ТУ-134А» заходит на посадку. Ощущение падения, легкий толчок, и вот за иллюминатором полосой бегут посадочные огни аэродрома. Мы в Волгограде.

Здесь, как и в Сенгилее, действует клуб любителей фантастики, который носит название «Ветер Времени». Наши клубы почти ровесники – всего лишь на несколько месяцев «Ветер Времени» старше «Зодиак». Может быть поэтому между клубами налажена оживленная переписка, а вот сейчас – непосредственная встреча.

В Волгоград мы прибыли ранним утром в четверг, а вечером того же дня состоялось очередное заседание в уютной комнате «Молодёжного центра». Получилась довольно интересная беседа, было задано много вопросов, касающихся непосредственно клубной работы и, конечно же, фантастики.

Четыре дня в Волгограде были жестко распланированы. Мы встретились с членами детской секции КЛФ, которые занимаются во Дворце пионеров (руководитель Юрий Толоконников), беседовали с Геннадием Дмитриевичем Мельниковым, автором фантастических рассказов, напечатанных в периодике Болгарии и журнале «Техника—Молодёжи» и, конечно же, была экскурсия по городу-герою, готовящемуся отметить сорокалетие Сталинградской битвы.

В этом выпуске нашей странички о работе клуба любителей фантастики «Ветер Времени» рассказывает его председатель – Борис Завгородний.

А. КОКЛЮХИН, председатель КЛФ «Зодиак».

О. УФИМЦЕВА, член КЛФ «Зодиак»

Дмитрий Белокуров: «Мы говорим «Ветер Времени», подразумеваем «Борис Завгородний». Мы говорим «Борис Завгородний» – подразумеваем «Ветер Времени!» «Ветер Времени» был первым КЛФ, с которыми наш волочисский «ВОЛФ» установил контакт в 1982 году, а с Борисом мы долго в переписке друг друга величали по имени-отчеству.

1984. Тбилиси...

Обратимся к воспоминаниям Завгара:

«Вернувшись домой из Перми, я вплотную занялся перепиской, так как набрал кучу адресов, и призом Фэндомы «Великое кольцо» – так мы его решили назвать тогда. Приз для Бушкова взялись приготовить пермяки, а я подготовил образец для голосования по клубам, а размножить мне его помог Мельников Геннадий Дмитриевич. Там были три позиции – вот две я помню. По подсчётам голосов за лучшую повесть приз получила повесть Эдуарда Геворкяна «Правила игры без правил». К этому времени я в магазинах надыбал чудесное чугунное литье «Джинн с чашей», вот и купил три штуки, чтобы награждать победителей. Не помню другую номинацию, то ли за роман, то ли за критику, а третьей была номинация «За вклад в фанта-

стику». Я даже не сомневался, что лауреатом станет Виталий Иванович Бугров! Но к ужасу своему, когда начал получать ответы от клубов, обнаружил там свою фамилию! В общем фэны из клубов отнеслись к голосованию несерьёзно. Примерно половина клубов попросту проигнорировала это голосование. Я собрал самых активных из клуба, мы подсчитали голоса и я составил отчёт по нему и начал рассылку по клубам. В общем, это был наш первый блин! На двух статуэтках я, зайдя к гравёру, сделал надписи – кому. А вот дипломы к статуэткам, по-моему, по какой-то причине изготовить не сподобился. Впоследствии, будучи в Москве, я созвонился с Эдуардом Геворкяном и приехал к нему с призом на работу. Он тогда работал в МГУ и я чудом не заплутался, пока нашёл его. Где-то у меня в архиве есть чудесная его фотография с призом. Но кто третий лауреат этого лучшего в мире приза? Вот у меня твёрдое убеждение, что это или Вл. Гаков за критику или Владимир Дмитриевич Михайлов за роман «Сторож брату моему». Кстати, из рассказов Бугрова я узнал, что и с призом мы были не первые. Оказывается кто-то, в начале шестидесятых в Москве, собрав талантливую молодёжь, учредил приз «Гриадный крокодил» и вручал его авторам самого неудачного произведения в году! Впрочем, долго этот приз не просуществовал, обиженные авторы подняли волну, а тогда это не сейчас.

Дело это я отметил в газете «Молодой Ленинец», в выпуске КЛФ «Ветер Времени» краткой заметкой, и разослал сотню экземпляров по клубам, фэнам и писателям, с которыми осуществлял переписку. Особенно меня благодарили, когда я присылал газетки с рассказами и повестями Евгения и Любви Лукиных. Это, несомненно, помогло, и где-то в году в 1984 их пригласили на семинар молодых фантастов в Тбилиси. А меня нет! Это был удар! К тому времени я уже опубликовал пару рассказов, и даже не один раз! Ребята из клубов шли мне навстречу, и я был самым публикуемым молодым писателем-фантастом в СССР. Нет, конечно, без улыбки это принимать было нельзя, но назовите мне сегодняшних мэтров, которые, когда были молодыми, могли похвастаться 300, 400 и даже 500 процентной публикацией своих произведений? Я обхаживал Общество книголюбов, Обком Комсомола, рассказывая, какую душевную травму мне нанесёт неучастие в этом семинаре и как это пагубно скажется на деле развития Фэндомы СССР. И вот, вечером я с Лукиными лечу в Тбилиси! С работой решилось всё просто. Письма из общества книголюбов с просьбой отпустить слесаря-монтажника 6-го разряда на важное Всесоюзное мероприятие и такое же от Обкома ВЛКСМ с просьбой оплатить эти дни по среднему! Ах, как вспомню это золотое время!

В Тбилиси нас встретил Владислав Петров и отвёз к себе домой. До сих пор в глазах стоит это удивление при виде верёвок на блоках и белья на них, от второго этажа до крыши. Что-то в этой сюрреалистической картине было трогательное! Насколько я помню, это был конкурс рассказов про борьбу за мир, в НФ-исполнении и, конечно, супруги Лукины там завоевали первый приз – этакая большая чаша грузинских мотивов, с надписью кому и за что! Это для Лукиных был первый приз, первое признание их таланта. Поселили нас в какой-то лучшей гостинице, в общем там было классно. Возили по разным замечательным местам: то в Воды Логидзе – прелесть неописуемая, то в театр кукол на спектакль. В один из дней приняли в Союзе Писателей Грузии – устроив в честь нас банкет. Запомнилась такая история: когда уже выпили немного, Любовь Лукина случайно уронила бокал, и тут же все грузинские писатели стали бить свои бокалы во славу прекрасной гостьи! В предпоследний день нас повезли то ли в церковь, то ли в грузинский монастырь за городом. Походили, полюбовались, нам рассказали историю монастыря и перед отъездом подарили по огромному караваю белого хлеба. Потом дома я его месяц ел и он был свежим! Только обрезанные края подсыхали. Но хранить его нужно было в тряпице. Я заматывал его в полотенце.

Были потом многие конвенции и встречи. Но самым замечательным праздником, конечно, была свердловская «АЭЛИТА»! Как жаль, что эта встреча проходит всего раз в году, и с каким нетерпением все ждали встречу. Конечно, одной её многим не хватало и многие пытались устроить свои маленькие конвенции в Перми, Ростове, Абакане. Мы вот с молодым Сер-

геем Жарковским летом совершили вояж в Тбилиси, где нас радушно принял Ираклий Вахтангишвили и другие ребята. Потом Сергей Жарковский один улетел в Абакан, в КЛФ «Гонгури» к Владимиру Борисову, и там состоялась небольшая встреча клубов. Туда прилетели ещё ребята из Семипалатинского КЛФ. Но потихоньку приближался 1984 год».

Аэлита—83 и розыскание Б. Ельцину

Любое явление имеет свои причины. Фэны хорошо помнят тяжесть 1984 года. Но мало кто даже из них знает его предысторию. В народе говорят: «Нет худа без добра». Но диалектика жизни не исключает и обратной связи, как временной, так и причинно-следственной. Роль доброго причинного фактора сыграла «Аэлита-83». Из архива Юрия Зубакина: «Всего на встрече присутствовало 135 человек из 37 клубов, а также писатели-фантасты: Г. Прашкевич (Новосибирск), В. Головачев (Днепропетровск), Д. Биленкин (Москва), В. Крапивин и С. Другаль (Свердловск), А. Бушков (Абакан), В. Пирожников (Пермь), редактор отдела фантастики «Уральского следопыта» В. Бугров.

На встрече было принято «Обращение за мир и разоружение любителей фантастики СССР», дополнено и исправлено «Положение о межклубном читательском призе „Великое Кольцо“, клубы поделились опытом работы, обсудили планы и проблемы клубного движения и фантастики».

Но сколько было на празднике-фестивале незарегистрированных гостей! А также представителей СМИ. Праздник получился невиданный. И волны от него разошлись по всей территории Фэндома. Вот как на него отреагировали на Дальнем Востоке:

«Молодой дальневосточник» (Хабаровск). – 1983. – 11 июня. – 113 (11374). – С. 2—3. Пер. в эл. вид Ю. Зубакин, 2007

В апреле в Свердловске прошел очередной фестиваль любителей фантастики «Аэлита-83», совпавший с празднованием 25-летия журнала «Уральский следопыт».

Вот уже третий раз любители фантастики нашей страны собрались в гостеприимном уральском городе, чтобы участвовать во вручении приза «Аэлита», учрежденного редакцией «Уральского следопыта» и Союзом писателей РСФСР за лучшее произведение советской фантастики года. Нынешняя «Аэлита» была торжественно вручена уральскому писателю, лауреату премии имени Ленинского комсомола Владиславу Петровичу Крапивину за повесть «Дети синего фламинго», опубликованную в 1981 году в «Уральском следопыте» и в прошлом году вышедшую в сборнике «Летящие сказки».

В. П. Крапивин очень интересно и плодотворно работает в области фантастики для детей. За трилогию «Далекие горнисты», «В ночь большого прилива», «Вечный жемчуг» писатель награжден призом хабаровского клуба любителей фантастики «Фант». Сейчас в «Уральском следопыте» публикуется его новая фантастическая повесть «Голубятня на жёлтой поляне».

Много интересных встреч было на фестивале. Представители 36 клубов любителей фантастики обменялись опытом работы, приняли решение об организации Всесоюзного клуба любителей фантастики «Великое Кольцо», назвав его так в честь основателя современной школы советской фантастики И. А. Ефремова.

Были встречи с писателями-фантастами В. Крапивиним, Д. Биленкиным, Г. Прашкевичем, С. Другалем, В. Головачевым, с редактором отдела фантастики «Уральского следопыта» В. Бугровым, художницей Е. Стерлиговой. В программе фестиваля были выставка работ уральских художников, работающих в жанре НФ, концерт песен на темы фантастики.

Ещё одно событие фестиваля – вручение общеclubных призов. Их лауреатами стали: молодой абаканский писатель А. Бушков за повесть «Варяги без приглашения», опубликована в журнале «Литературная учёба», №5, 1981 г. В. Бугров – за книгу «В поисках завтрашнего дня» и многолетнюю деятельность по пропаганде советской фантастики и... снова В. Крапивин за лучшее фантастическое произведение года – повесть «Дети синего фламинго». Здесь, как видим, оценки любителей фантастики и жюри «Аэлиты» полностью совпали.

Участники фестиваля тепло поздравили редакцию журнала «Уральский следопыт», который, говоря словами поздравлений, «является образцовым и единственным в стране журналом фантастики и приключений для юношества».

Слава «Аэлиты-83» распространилась не только по горизонтали, но и по «вертикали», достигнув партийных кабинетов. И партийные чиновники заинтересовались Фэндомом более плотно, чем обычно. Тут и закрутилось... В итоге первый секретарь Свердловского обкома КПСС Борис Ельцин получил партийное взыскание. На том, естественно, дело не закончилось.

Такова вкратце предыстория «нападения» на Фэндом, которого могло и не быть. Да и было ли оно? Дым без огня – и такое бывает.

Мы же, оттолкнувшись от причины-повода, обратимся к следствиям.

ЗАПИСКА ОТДЕЛА ПРОПАГАНДЫ ЦК КПСС

О серьезных недостатках в деятельности клубов любителей фантастики

СТАТЬИ О ФАНТАСТИКЕ © 1984 Знание—сила. – 1993. – 7. – С. 102 —103.

Пер. в эл. вид Ю. Зубакин, 2002

19 марта 1984 г.

О серьёзных недостатках в деятельности

клубов любителей фантастики

Отдел пропаганды ЦК КПСС изучил деятельность клубов любителей фантастики, которые широко создаются в последние годы при обществе книголюбов, молодёжных газетах, отделениях союзов писателей и журналистов, библиотеках, домах культуры, школах, техникумах, вузах. Среди членов клубов – школьники, студенты, представители художественной и технической интеллигенции. В основном – это молодёжь до 30 лет. Многие из них называют себя «фэнами», подражая членам подобных клубов в США и Англии, которые появились там ещё в 50—60-е годы по инициативе фирм, издающих научно-фантастическую литературу. «Фэн-клубы» широко используются буржуазными идеологами для пропаганды антинаучных идей.

Появление клубов любителей фантастики в нашей стране объективно отражает большой интерес молодёжи к научной фантастике. Ряд клубов помогает юношам и девушкам глубже ознакомиться с советской фантастикой, способствует развитию у них творческого воображения, стимулирует интерес к науке и литературе. Вместе с тем анализ показывает, что в их деятельности имеются серьезные недостатки.

У руководства некоторых клубов стоят люди, не имеющие ни соответствующих знаний, ни правильной политико-идеологической ориентации. Многие клубы создаются стихийно и действуют бесконтрольно. В них нередко изучаются произведения фантастики американских, английских, французских и других зарубежных авторов, в которых социальные проблемы трактуются в духе воззрений буржуазных философов.

В отдельных клубах практикуется перевод зарубежных книг, не издаваемых в СССР, наблюдаются случаи размножения и перепродажи этой литературы. Участники клубов создают собственные произведения фантастики, причём во многих случаях низкого идейно-художественного уровня. Часть из них публикуется в местной молодёжной печати.

В нарушение положения о любительских объединениях городские клубы фантастики организуют свои филиалы в учебных заведениях, библиотеках, направляют в другие клубы различные материалы, выпускают рукописные журналы, информационные бюллетени. Без разрешения органов культуры они проводят диспуты, тематические вечера и спектакли на фантастические темы в крупных залах, школах, пионерских лагерях. Вообще «выходу в массы», за пределы клуба, уделяется много внимания. Такая задача сформулирована в большинстве программ и уставов клубов, об этом постоянно пишется на страницах ряда комсомольских

журналов и газет. Особую активность проявляют журналы «Техника—молодёжи», «Литературное обозрение» и «Уральский следопыт» (г. Свердловск).

Имеет место попытка клубов любителей фантастики уйти из-под контроля Органов культуры, профсоюзов и комсомола, вести свою работу без их ведома ⁵. По этой причине материалы, рассылаемые в другие клубы, часто направляются на домашние адреса, перечень которых постоянно публикуется в молодёжных газетах и журналах. Не случайно иногда указывается и такой адрес для переписки: «Главпочтамт. До востребования».

Некоторые руководители «фэн-клубов» ведут переговоры о создании единого в стране методического центра, намереваясь сделать его самостоятельным. Так, в письме без подписи, разосланном во многие клубы, говорится: «Существует неприятная возможность навязывания съезду необходимости утвердить объединение КЛФ под лозунгами хоть и неплохими, но исходящими не от самих КЛФ, что означает подмену живого энтузиазма фэнов энтузиазмом казенным (энтузиазмом Павки, энтузиазмом нынешнего комсомольца)».

Свердловский, калининградский и ростовский клубы организуют всесоюзные и региональные семинары, нарушая установленный порядок участия самодеятельных коллективов в подобных мероприятиях. Так, в семинаре, проведенном в апреле 1983 г. в Свердловске журналом «Уральский следопыт» и клубом «Радиант», участвовали 35 клубов из 34 городов страны. В апреле с. г. вновь планировалось провести всесоюзный семинар в Свердловске.

Изучение показало, что некоторые профсоюзные и комсомольские комитеты, органы культуры, народного и профессионально-технического образования, вузы, отделения Всесоюзного добровольного общества любителей книги и Союза писателей СССР самоустранились от руководства клубами любителей фантастики, не анализируют содержание их деятельности, не принимают необходимых мер по наведению в них должного порядка.

Отдел пропаганды ЦК КПСС провёл совещание по данному вопросу с участием заинтересованных ведомств и организаций, на котором определены меры по упорядочению работы клубов любителей фантастики.

Министерству культуры СССР и его научно-методическим центрам поручено организовать методическое руководство этими клубами, независимо от их ведомственной принадлежности.

Считали бы целесообразным рекомендовать ЦК компартий союзных республик, крайкомам, обкомам КПСС, Министерству культуры СССР, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, Минвузу СССР, Минпрому СССР, Госпрофобру СССР, Союзу писателей СССР, Всесоюзному добровольному обществу любителей книги:

- рассмотреть деятельность клубов любителей фантастики, устранить имеющиеся в их работе недостатки;
- отстранить от руководства клубами людей, идейно незрелых, нарушающих Положение о клубах по интересам и любительских объединениях. Распустить те клубы любителей фантастики, деятельность которых наносит вред воспитанию молодёжи;
- осуществить меры, исключающие нарушение клубами установленного порядка выпуска и распространения бюллетеней и других информационных материалов;
- определить, что клубы любителей фантастики могут проводить массовые мероприятия, семинары только под руководством органов культуры и профсоюзов.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается.

Зав. Отделом пропаганды ЦК КПСС Б. Стукалин

ЦХСД. Ф. 4. Оп. 28. Д. 873. Л. 177—180. Подлинник

Примечания:

5. В архиве найдена интересная переписка по этому поводу. Оказывается – судя по письмам активистов образцово-показательного Клуба любителей фантастики, созданного ещё

в 1974 году под эгидой ЦК ВЛКСМ в издательстве «Молодая гвардия», – деятельность этого клуба уже через полгода была свернута из-за чрезмерной опеки со стороны его организаторов. (ЦХСД. Ф. 5 Оп. 69. Д. 413. Л. 112—131)

6. Записка отдела вместе с приложенным проектом одноименного постановления Секретариата ЦК КПСС была возвращена после обсуждения 3 апреля 1984 г. на заседании Секретариата на доработку.

(Сделаем авторское примечание: «Записка» была доработана, нам неизвестна её окончательная редакция. И центральная идея в ней – не разгон КЛФ, а всего лишь корректировка их деятельности. Нормально и оправдано – любая власть с необходимостью регламентирует практику общественных объединений. Именно так реализуется идеология, влияющая на конкретную политику. И – Проект так и не стал Постановлением).

СТАТЬИ О ФАНТАСТИКЕ © 1984 Знание—сила. – 1993. – 7. – С. 103.

Пер. в эл. вид Ю. Зубакин, 2002

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА №148

ЗАСЕДАНИЯ СЕКРЕТАРИАТА ЦК КПСС

от 16 апреля 1984 года

О серьезных недостатках в деятельности клубов любителей фантастики

1. ЦК КПСС отмечает, что в деятельности возникших в некоторых местах клубов любителей фантастики проявляется ряд негативных моментов. Вследствие слабого контроля в них нередко пропагандируется западная фантастика, культивирующая буржуазную мораль и идеологию. Такого рода проявления недопустимы, они наносят вред воспитанию советской молодёжи.

2. Поручить ЦК компартий союзных республик, крайкомам, обкомам партии, Министерству культуры СССР, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ осуществить меры по упорядочению деятельности клубов любителей фантастики, нацеливая их на решение задач коммунистического воспитания молодёжи, развитие интереса к науке, технике, формирование у неё непримиримости к буржуазной идеологии и морали, западному образу жизни.

3. Записку Отдела пропаганды ЦК КПСС по данному вопросу направить в ЦК компартий союзных республик, крайкомы, обкомы партии и соответствующие министерства и ведомства (прилагается) 7.

Секретарь ЦК КПСС

ЦХСД. Ф. 4. Оп. 28. Д. 889. Л. 14—15. Подлинник.

Примечания: 7. В материалах протокола заседания Секретариата ЦК КПСС, состоявшегося 16 апреля 1984 года, имеется первоначальный вариант этого постановления. Внесенные изменения коснулись только первого пункта. До исправлений рукой секретаря ЦК КПСС М. Зимянина и последующего редактирования в отделе пропаганды ЦК он выглядел таким образом: «1. ЦК КПСС отмечает, что в содержании работы многих клубов любителей фантастики, получивших широкое распространение и пользующихся у молодёжи известной популярностью, имеются серьёзные недостатки. В них нередко пропагандируется реакционная западная фантастика, что наносит вред воспитанию юношей и девушек». Приложенная записка для рассылки в местные партийные органы, несколько сокращена по объёму, по содержанию повторяет записку отдела пропаганды ЦК от 16.03.84.

1984 г. Миражи идеологии

«Потрясение», испытанное Фэндомом в 1984-ом, – так ли оно трагично, как его пытаются представить? В любом государстве существует определённая идеология. В том числе и в том, которое официально от него отказывается. Как известно из исторической практики: народ, не желающий содержать свою армию, будет содержать чужую. Точно так же обстоит дело с идеологией.

Завгар в своих воспоминаниях отзывается о том времени с болью. Но ведь его лично оно почти и не затронуло! Официально «Ветра Времени» как бы не стало. Но он продолжал действовать! И Борис занимался своим делом. Это – не запрет. Был бы запрет – не случилось бы взлёта КЛФ в последующие годы. И в истории не остался бы феномен Волгакона-91.

Пожалуй, попытаемся развеять туман предвзятости. Некоторые чиновники восприняли саму постановку вопроса как сигнал к атаке. Ну, народ у нас такой! И пошло-поехало... Началось с Аэлиты, волны разошлись «как обычно». Случился порыв «Анти-Ветра Времени», который на местах (не на всех!) постарались превратить в торнадо. Но не удалось. Уничтожения фэновского движения не произошло. А могло бы случиться, будь на то решение «сверху». Сверху, если рассматривать не предвзято, была намечена корректировка массового движения. И это, наверное, по-государственному правильно, учитывая ширящийся масштаб Фэндома. Перелома как такового не было да и быть не могло. И прогноз Оруэлла «1984», как и всякий прогноз, не сбывся. Мы просто привыкли искать пророков среди прорицателей и гадалей. И ставить их на постаменты, а затем радоваться совпадениям.

Итак, не удар! А коррекция.

Привожу один пункт из письма Андрея Илларионова, КЛФ «Лунный полдень»:

«PPS. Все слухи и сплетни о том, что нас „прижали“ – слухи и сплетни. Народу не нужны нездоровые сенсации».

Но обратимся к исходным «документам»:

Н. Квижинадзе, Б. Пилипенко

МЕНЯЮ ФАНТАСТИКУ НА ДЕТЕКТИВ

© Н. Квижинадзе, Б. Пилипенко, 1984. Комсомольская правда (Москва). – 1984. – 30 мая. – (124 (18029)). – С. 4. Пер. в эл. вид Ю. Зубакин, 2001

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО! Черновики после перепечатки сжечь! В особых случаях, ставящих под угрозу существование клуба, шериф имеет право объявить дисциплинарную диктатуру (ДД) – Если правомерность ДД подтверждает менее 2/3 голосов, шериф должен быть немедленно переизбран. В течение всей ДД шериф пользуется неограниченными полномочиями».

Что это за секретный документ и загадочные «шериф», «дисциплинарная диктатура»... Да и вообще где всё происходит – на диком Западе или на фантастической планете, где поселились космоковбои?

Нет, читатель, всё происходит в Тбилиси...

На языке документа (разумеется, опять же секретного) это называется «Операция «Нерон». По захвату власти. С помощью СС—1 в ФБР (в данном случае не американского. – Прим. авт.). Свержение должно произойти бесшумно. Так задумано...

«Свержению» подлежит председатель клуба любителей фантастики, а СС – Совет Старейшин, ФБР – всего лишь Фантастическое Бюро Расследования...

Если бы это была игра ну, скажем, школьников среднего возраста, начитавшихся детективов, куда ни шло. Но дело в том, что это не игра, это – из жизни. И действуют не пригого-вишки, а вполне зрелого возраста люди.

Несколько лет назад в Тбилисском государственном университете был создан клуб любителей фантастики «Стажёры». Народ подобрался начитанный, любопытный и веселый. КЛФ был внесён в отчетные письма, как ещё одно из проявлений студенческой самодеятельности, и на этом его связь с комитетом комсомола оборвалась. То есть формально «Стажёры» числились под комсомольской эгидой, а фактически...

Тут мы должны сделать небольшое отступление. В Грузии внимательны к нуждам и запросам молодёжи. В том числе и к молодёжи творческой. Достаточно представить шатровую кровлю лагеря «Солнечная долина», услышать дискуссии о молодой поэзии, чтобы понять, какой заряд на долгие годы дают традиционные творческие встречи, семинары... Мечты переплавились в театр-студию «Метехи», в киностудию «Дебют». В комсомольском городке Борис Дзnelадзе открылся выставочный зал «Пиросмани». А сам городок!..

На таком сочном фоне КЛФ «Стажёры» казался синтетическим подсолнухом. То ли это объединение творческое, то ли нет – никто не знал. Но тем не менее клуб пытался тянуться к солнцу, определял направление, выработывал программу так, чтобы и членам клуба было интересно, и сами «Стажёры» приносили пользу.

По мере роста (а трудности роста неизбежны) стали возникать и такие вопросы: что считать главным в работе – популяризацию научной фантастики или создание новых произведений? Если «делать» свою фантастику, то кто оценит рукописи? Сможет ли помочь Союз писателей? Какую реальную помощь окажет комсомол?

Словом, вопросов накапливалось много. Но никто не предполагал, что в скором времени клуб затрясет, как в лихорадке. Начнутся пересуды, на месте ли его председатель, «тот» ли это человек, не пора ли его менять. Возникнет трепетное отношение к каждой бумажке, лежащей в папке клуба, – «как бы ее не выкрали...».

Связывают это с приходом в «Стажёры» Ираклия Вахтангишвили, автора уже цитированного «документа». Новичок вначале понравился: инициативный, ищущий, готовый во всём помочь. Кто знал, что через некоторое время под его руководством будет разработан тот самый план операции «Нерон», станут вестись досье на каждого члена клуба...

Тут бы в самый раз вмешаться комитету комсомола, райкому – о чём спор, ребята? Тут бы сообща выработать такую программу, чтобы ясно было, для чего, собственно, создаются клубы любителей фантастики. Такого не случилось. Как-то не сложились отношения с подобными клубами. В одном райкоме комсомола Тбилиси – Кировском – дело дошло до курьёза. На очередном заседании бюро клуб любителей фантастики был вроде бы утвержден, а на следующем – отпущен на все четыре стороны. «Знаете, ребята, – пооткровенничали в райкоме, – всё-таки вы какие-то странные, не знаете, чего хотите...». Это был другой клуб, но руководил им уже знакомый нам Вахтангишвили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.